

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА

Н.Н. Тобуроков

АНДРЕЙ КРИВОШАПКИН
(ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА)

Якутск 1999

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА

Н.Н. Тобуроков

АНДРЕЙ КРИВОШАПКИН
(ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА)

Якутск 1999

УДК 004(571.56)
Т 50

**Т50 Тобуроков Н.Н. Андрей Кривошапкин (Очерк жизни и творчества).
– Якутск: Изд-во “Северовед”, 1999. – 76 с.**

Эта книга является первым монографическим исследованием творчества и общественно-политической деятельности эвенского писателя Андрея Васильевича Кривошапкина. Читатель получит основные представления о проблематике его произведений, особенностях национального видения мира и жизненном пути писателя.

Книга издана на средства, выделенные Министерством по делам народов и федеративных отношений Республики Саха (Якутия).

Ответственный редактор:
доктор филологических наук,
академик АН РС(Я) В.А. Роббек

Рецензенты:

А.Н. Мыреева, кандидат филологических наук,
зав. отделом эвенкийской филологии ИПМНС СО РАН
Е.Е. Сибиряков, член Союза журналистов РФ, руководитель
пресс-службы Государственного Собрания
(Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)

ISBN 5–7894–0032–9

© Издательство “Северовед”, 1999

Вместо предисловия

Октябрь 1993 года. Здание Верховного Совета Российской Федерации, названное в народе Белым Домом, пробитое артиллерийскими снарядами, горит... Все здание содрогается от прямых попаданий и все больше покрывается черными клубами дыма.

А в это время на третьем этаже, в зале заседаний Совета Национальностей сидели депутаты Верховного Совета, перед самой стрельбой собранные по вызову, переданному внутренним радиовещанием. Сидели спокойно, внутренне собранные, чутко прислушиваясь к канонаде и беспорядочной стрельбе вокруг Дома. Они были готовы ко всему.

В четвертом ряду среди депутатов своей "азиатской" внешностью выделялся один. Продолговатое симпатичное лицо, чуть полноватые губы плотно сжаты, руки бережно и крепко прижимают набитый разными рукописями дипломат. Видно было, что человек готов к любому повороту событий, вплоть до вторжения вооруженных людей в зал и расстрела их, сидящих в креслах.

Это был депутат Верховного Совета РСФСР от одного из округов Якутской АССР Андрей Васильевич Кривошапкин, писатель, известный государственный и общественно-политический деятель. Эвен, родом из племени Ламынха.

Эта книга о его жизни и творчестве.

Глава I. ОБЫЧНАЯ СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Родился Андрей 17 октября 1940 г. в затерянной среди величественных гор Верхоянья палатке, в местечке, давшем название его роду, – Ламынха¹. Старший брат Дмитрий вспоминает, как однажды его еще маленького мальчугана разбудили и срочно, ни с того ни с сего, как он считал, послали за родной сестрой матери, живущей в нескольких десятках километров от их стойбища. Он во весь дух помчался на олене-уучах, и, когда вернулся с тетей, свалился от усталости и уснул. Проснулся от необычной в палатке жары: бока железной печурки были красны, как алое сукно. А мама держала на руках малыша и, посмеиваясь от радости, объяснила ему: "Вот, под обрывом у речки мы нашли мальчика, твоего братца, и зовут его Андреем".

Так началась жизнь будущего писателя на этом белом свете. А кругом, действительно, было белым-бело: суровая якутская зима вступила в свои права. Сколько помнит Андрей свое детство, оно всегда было связано с жизнью в тайге, в палатке или тордохе. И, наверное, не совсем посвященный в детали его биографии читатель, не поймет причину сильных переживаний, когда он увидел вдруг в Дивногорске своеобразный бетонный памятник... палатке:

Закипела кровь в висках,
Застучало сердце гулко,
И в мгновенье показалось,
Что его удары эхом
Громко отдались в горах**...

У многих кочевавших эвенков нет обычного понятия "родной дом". Под ним подразумеваются родные места, урочища, речки, горы, где когда-то стояла палатка, был тордох (по эвенски – илуму), в которых они родились. Поэту показалось, что, поставив памятник палатке, увековечили его родной дом:

Будто
Снова в детстве побывал.
Из такой же вот палатки
Под любовным взглядом мамы
Я когда-то робко сделал
Первые шаги свои.

(“Встреча в Дивногорске”)

¹) В воссоздании биографических подробностей жизни А.В. Кривошапкина использованы воспоминания его старшей сестры, пенсионерки Евдокии Васильевны, старшего брата Дмитрия Васильевича, писателя, и младшего брата Петра Васильевича, ныне работающего народным судьей Кобяйского улуса. – Автор.

^{**}) Поэтические произведения А.Кривошапкина здесь и далее даются в переводе писателя В.Федорова из книги: Кривошапкин А. Земля предков. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1995.

С тордохом-илуму связано все его детство в оленьих стадах, где собаки и оленята были его главными друзьями. Уже тогда Андрей, как вспоминают родные, отличался своим покладистым, мирным характером. Удивительно, но факт: все дети Кривошапкины любили игры, предсказавшие их основное занятие во взрослой жизни. Старший Дмитрий, когда-то в поселке увидев один раз автомобиль, все время гудел, пыхтел, изображая подходящими камушками машину, а себя – водителем. Позднее около двадцати лет крутил баранку. Дуня, собирая и перекладывая разноцветные камушки, будто бы "перегоняла" оленье стадо с одного пастбища на другое. Оленеводство стало ее главной работой в жизни. Андрей, пораженный видом и необычностью поведения своих сородичей на собраниях, любимой игрой сделал... собрания. Участниками их были также камушки, такие же разные, как люди. Главным оратором конечно был сам Андрюша, державший какой-нибудь клочок бумаги с "тезисами". Так уж получилось, что Андрея Васильевича в родной республике теперь знают не только как писателя, но и как общественного и политического деятеля, отличающегося независимостью взглядов. Я, к сожалению, не знаю, во что играл Петя, самый младший из Кривошапкиных, более десяти лет уже проработавший председателем народного суда в разных улусах.

Так что Андрей как бы с детства предвидел свою судьбу, жизнь в илуму стала отправной точкой в большой мир. И не случайно каждый раз вид, образ илуму у него вызывает неповторимые воспоминания:

Сколько перевидел он на свете!
И любовь горячую, как пламя
очага. И счастье материнства.
И восторг принесшего добычу
молодца-охотника. И горе
в год голодный, когда гас
костер... Он крепился в черную
невзгону, отгоняя клыкастые
болезни. Был всегда он верною
опорой, до конца надеждою
последней для эвенов,
родичей моих.

Для маленького Андрюши жизнь в илуму-тордохе стала первой ступенью познания окружающего мира. Когда переезжали летом с одного стойбища на другое, то его возили в специальной люльке, привязанной к боку ездового оленя-уучах, а за неимением соски давали проколотый палочкой кусочек засушенного оленьего языка или мяса. Убаюкивающий, порой встряхивающий ритм впитал он на всю жизнь. Отец умер рано, дети почти не помнят его. Матери, Ульяне Егоровне, пришлось, похоронив еще одного сына и одну дочь (Афюню и Варю), поднимать всех остальных одной. Дома делала всю мужскую работу, одно время даже нанималась возить грузы в Эге-Хая. Дети кочевали вместе, оставлять их было некому:

Далеко война грохотала,
Но дыханье ее ледяное
Доходило и к нам, на Север,
Обжигая людские сердца.

И считалось почетным делом,
Делом чести для самых сильных
Груз на дальний рудник доставить
Без потерь и в нужный срок.

Мама эту честь заслужила,
Наравне с мужчинами стала.
Серых буров* она запрягала
И меня собирала с собой.
Детсадов не знал еще Север...

Сестра Евдокия вспоминает, как однажды ночевали в палатке около автомобильной дороги и когда вечером фары машин осветили через полотно палатку, маленький Андрей от страха забрался под кухлянку. А мама добродушно подшутила: "Погоди, посмотрим, как ты будешь вести себя, когда будешь жить в больших городах, там ведь машины на каждом шагу". Несмотря на все трудности, она сохраняла доброту, растила детей спокойно, передавая им всю свою любовь. Не раз им приходилось голодать, мерзнуть в холодном тордохе. Так что когда Андрей Кривошапкин описывал сцены голода находящейся на грани смерти семьи Нэгэ в романе "Берег судьбы", он многое черпал из своего детства.

Только благодаря созданию интернатов в Себян-Кюеле ему удалось получить образование. Более того, по воспоминаниям знавших его людей, он всегда был самым старательным учеником, тихим и смирным, активистом пионером и комсомольцем. Не зря его выбирали председателем Совета пионерской дружины, секретарем комсомольской организации школы. От матери Андрей унаследовал доброе, заботливое сердце, и даже когда его обижали или незло подшучивали старшие ребята, он никогда не отвечал грубостью. Достаточно было ему взглянуть на обидчика с немым укором в глазах и этого вполне хватало уладить наметившийся конфликт. Очень любил Андрей младшего братишку Петю, даже баловал его, таская ему в виде гостинцев из своего скудного интернатского довольствия кусочки черного хлеба, намазанные едва видимым слоем масла. Но они запомнились младшему брату на всю жизнь. Когда уже школьник Петя прибежал в слезах к Андрею с жалобой, к его изумлению старший брат никогда не давал сдачи обидчику, а лишь настойчиво объяснял, как плохо тот поступил. Сейчас Петр Васильевич не может без волнения говорить об этом.

---

*) Бур – ездовой олень-самец

Сам Андрей пошел в школу почти не владея якутским языком, а обучение по всем предметам велось тогда на этом языке. Но как и все дети он быстро овладел им, и якутский язык стал родным языком. Какова же была его радость, когда однажды в класс вошел небольшого роста, очень подвижный, добродушный человек и заговорил по-эвенски. Это был Платон Степанов, учитель начальных классов, а позднее – учитель Андрея по литературному мастерству Платон Ламутский. Впечатление от этой первой встречи он вспоминает так: "Меня мгновенно пронзило какой-то нежностью, казалось, что очутился неожиданно среди своих родных, рядом с родной мамочкой в стаде, класс показался светлым-светлым, а желание учиться целиком охватило меня, и я перешел во второй класс с одними "четверками" и "пятерками"¹.

Такие же оценки были у него и в старших классах Себян-Кюельской семилетней школы. Хотя Андрей и был школьным активистом, в быту он оставался очень скромным, молчаливым мальчиком. Старший брат его Дмитрий вспоминает: если в гостях, как рассказывали его друзья, персонально не позовут к столу, он так и оставался голодным. Себян был для него второй родиной, где многие речки, горы, пастбища были знакомы ему с детства, и впоследствии, став поэтом, он писал:

Всей душой тянусь я к тебе,
Только ты меня помни и жди.
Снова брошу я вызов судьбе,
И примчусь сквозь дела и дожди.

Это здесь, среди горных стихий,
Средь озер и утесов твоих
Жить мои остаются стихи -
Средь сородичей мудрых моих.

Знай, что вечно в моей ты груди,
О Себян, ненаглядный ты мой,
И с обидой мне вслед не гляди,
Когда я разлучаюсь с тобой.

Первое расставание с родными людьми, с родными местами ему пришлось пережить, когда поехал для продолжения учебы в только что открывшуюся на его счастье Саккырырскую среднюю школу.

Это теперь легко сказать поехал, а в те времена дорога от Себян-Кюеля до Саккырыра была трудно преодолимой. Расстояние до речки Бытантай Андрей и еще три ученика из его школы преодолели на ездовых оленях со стариком Ксенофонтом, сопровождающим почту. Там их встретил уже на лошадях работник почты из Саккырыра Федор. Как признавался позже

Андрей, почти всю дорогу он тайком от друзей плакал: вспоминал мать, снабдившую его специальным жертвенным эмэгэтом^{*)}, чтобы сын поблагодарил речку Бытантай и благополучно доехал, сестру Дуню, так и неуспевшую приехать из стада чтобы попрощаться с братом. Особенно жалел младшего: "Брат мой Петя – самый маленький из нас, шаловливый мальчишка с живыми, озорными глазами. Младше меня на 6-7 лет. Как старший брат я его очень любил, часто баловал. В дороге много раз вспоминал его и сам не замечал, как глаза наполнялись слезами. К счастью, никто, кроме меня, этого не знал и не видел. Я не понимал тогда, что это означало, что мать меня наделила добром, чутким сердцем"². Насколько сильны были его переживания, свидетельствует и то, что позже Кривошапкин А.В. признался: "В какие бы переплеты ни бросала меня судьба, я никогда не забывал эту мою первую поездку в Саккырыр. Это было началом настоящей дороги жизни"³.

Да, это действительно было началом самостоятельной жизни: Андрею все три года пришлось провести в Саккырыре – не было средств съездить домой.

В летние каникулы зарабатывал себе на жизнь, ибо летом интернат закрывался. Правда, одно лето его премировали поездкой в центр, как хорошего ученика и активиста. В школах того времени учащиеся очень много работали: заготавливали дрова, обеспечивали интернат и школу водой, ремонтировали классы. До сих пор он поименно помнит многих учителей, известных людей поселка, одноклассников. А ведь эвену-мальчику подружиться с детьми саха было не так-то просто. Андрей быстро снискал уважение учащихся, а учителя сразу выделили его как лидера. Секретарю ученической комсомольской организации пришлось вникать в самые разные текущие дела не только школы, но и поселка. Это и дало ему заряд на всю жизнь. Недаром же он в 1993 году, в статье, посвященной выдающемуся общественному деятелю эвенского народа Р.И. Шадрину, уроженцу тех мест, написал: "Я благодарен судьбе за то, что она дала мне возможность жить и учиться в Саккырыре. Тот Саккырыр остался в моей памяти, как весна в момент ее сказочного цветения"⁴. И, думается, что сказал он это не ради красивого слова, а как заключение определенного этапа прожитой жизни, отчасти посвященной и служению родному Саккырырскому, ныне Эвено-Бытантайскому национальному улусу. Это время запомнилось ему и как период первых незабываемых впечатлений юношеской, чистой любви к его будущей жене – Розе, учившейся вместе с ним. И здесь Андрей остался самим собой: он настолько стеснялся своего чувства, что однажды даже не осмелился показаться на школьной сцене в спортивной форме того времени –

---

*) Эмэгэт – идол в виде животного или человека, сделанный из подручных материалов, приносимый в жертву какому-нибудь духу.

трусах и майке, потому что в это время в зале сидела Она. Тогда же он впервые почувствовал тягу к литературе. Вместе с Васей Кейметиновым, ставшим впоследствии поэтом под псевдонимом Баргачан, они сочиняли стихи на родном языке, пытались сделать кое-какие переводы. Однажды из газет они узнали, что в Якутском филиале Сибирского отделения Академии наук СССР работает ученый-эвен, поэт Василий Лебедев. Их гордости не было предела — у эвенов есть свой поэт, ученый! И тут же наугад в адрес Якутского филиала Василию Лебедеву отправили письмо с просьбой посоветовать, как писать стихи. К их великой радости вскоре получили ответ. Более опытный товарищ поставил им три главных условия, которые необходимы будущему эвенскому поэту: во-первых, в совершенстве знать свой родной язык; во-вторых, изучить произведения устного народного творчества эвенов; в-третьих, иметь глубокие знания, быть эрудированным; для этого нужно много читать. Это стало первой ниточкой будущей дружбы двух поэтов, двух писателей, продолжавшейся до последних дней Василия Лебедева. Позже, 1962 году, в Ленинграде он, встретив студента пединститута им. Герцена Андрея Кривошапкина, невольно воскликнул: "Ээ, когда-то это ты писал мне письмо из Саккырыра?". Получив утвердительный ответ, был очень обрадован. Сейчас Андрей Васильевич признается, что роль поэта Лебедева в его становлении как писателя была решающей.

Годы учебы в Ленинграде, являющиеся по сути колыбелью многих преподавателей литературы малочисленных народов бывшего Советского Союза, оставили в душе Андрея неизгладимый след. Не случайно у него в одной из работ о В. Лебедеве вырвалось: "Нет, не удастся так называемым "демократам, маскирующимся под политиков и деятелей, спекулирующим мифическими данными, пытающимся возвеличить власть царя, вытравить из памяти сердец осознание той великой роли легендарного Ленинграда в их судьбе"⁵. Именно в эти годы Андрей начал пробовать свои силы в прозе. Призванный в армию, служа на Кольском полуострове, он написал несколько детских рассказов об Опо-Афоне, правда, без всяких надежд на публикацию. Через года два-три сильно удивился, получив письмо от сестры Елены, извещавшем о выходе сборника его рассказов в Якутске. Оказалось, что произведения Андрея попали в руки Платона Степанова-Ламутского, и он сделал все, чтобы первые пробы его ученика увидели свет. С его легкой руки Андрея Кривошапкина долгое время признавали как детского писателя, автора сборников "Опо", "Тосапчан" (на эвенском), "Внуки потомственных охотников" (на якутском), "Мой олененок", "Сын Чиктикана" (на русском), "Сын Чиктикана" (на украинском), "Мой маленький олень" (два издания на немецком) и ряда других. Если учесть, что последние переводы детских рассказов на украинский, немецкий и другие языки появились в конце 80-х — начале 90-х годов, то можно говорить о значительном успехе этих произведений.

Работая в родном Себян-Кюеле то директором школы, то управляющим отделением совхоза "Кировский", то секретарем парткома совхоза Андрей Васильевич понял всю глубину трагической судьбы своего народа. Познавший все блага, предоставленные советской властью детям-северянам для их обучения в школах и в вузах (полное интернатское обеспечение, общежитие, льготное зачисление в учреждения высшего образования и тому подобное), Андрей никак не мог понять, почему Василий Лебедев сетует на разрушение исконного уклада жизни эвенов из-за укрупнения поселков и на исчезновение языка из-за оторванности детей от родителей в интернатах. Практическая работа в школе убедила его, что действительно дети-эвены постепенно забывают свой родной язык, а будучи управляющим отделением совхоза, он так же, как и Аркадий, герой одного из своих романов, столкнулся с повседневным трудом оленеводов: сокращение пастьбищ из-за промышленного освоения Севера, нехватка ездовых оленей, утвари к ним, постепенное сокращение числа молодежи, работающей в оленьих стадах. О неудобствах кочевого бытия соплеменников и говорить нечего — сам в детстве страдал не раз от холода и голода. К тому же прибавились "болезни" века — алкоголизм и курение, подрывающие здоровье не одного эвенского народа.

Андрей Васильевич постепенно пришел к осознанию необходимости борьбы за дальнейшую судьбу родного эвенского народа, он стал четче и яснее различать первоочередные проблемы. И никогда не переставал утверждать: "Наши народности выжили благодаря братству и дружбе народов страны, благодаря солидарности этих народов. Этого отрицать мы не можем и не имеем права"⁶. К сожалению, проблемы Севера, какие он узнал в семидесятых годах, остались актуальными и в восьмидесятых, и в девяностых. Потому он выбрал путь общественного деятеля в руководящих органах республики. А. Кривошапкин проходит школу партийной работы в областном комитете, в должностях инструктора и заместителя заведующего идеологическим отделом*. Именно в этот период начинается его подъем по лестнице служебной иерархии. Но Андрея занимает не карьера, а способы, которые принесут пользу северянам. Он тогда же писал: "Боли и тревоги Севера — в сердце моем. Поэтому с особой обостренностью осознаю, что неустанная работа за преобразование Севера — долг писателей-северян. Надо за это бороться по-граждански мужественно и стойко. Коли удастся способствовать в решении хоть малой доли накопившихся проблем, я был бы по-человечески счастлив"⁷.

Такую возможность он получил, когда в марте 1990 года его избрали депутатом сразу двух Верховных Советов: Якутской АССР и Российской Федерации. Это было признанием его заслуг как общественного и полити-

---

*) Хроника трудовой деятельности писателя приведена в конце книги. — Автор.

ческого деятеля, и как писателя. К этому времени А. Кривошапкин опубликовал не только вышеназванные книги для детей. Появились солидные произведения, повести и романы, изданные в переводе на русском и якутском языках: "Олени моего детства", "Уямканы идут на Север" (повести, 1985), "Берег судьбы", "Золотой олень" (романы, 1988, 1990). И здесь, справедливости ради, следует остановиться на одном эпизоде из жизни писателя.

Свой роман, написанный впервые на эвенском языке и переведенный по подстрочникам на якутский язык, А. Кривошапкин принес в Якутское издательство в начале 1986 года. Его по тогдашним правилам поставили в план издания 1987 года. В это же издательство, но значительно позже, чуть ли не в начале запланированного года издания представил свой роман "Дух земли" Платон Ламутский. Естественно роман П. Ламутского был намечен к изданию на более поздний срок. Когда Андрей Васильевич узнал об этом, он попросил издательство снять с плана свое произведение, уступив место роману П. Ламутского. Вскоре, получив просьбу издательства ускорить представление рукописи, П. Ламутский специально зашел к Андрею: "Айталын (Герасимов Николай Афанасьевич, редактор издательства. – Н.Т.) сказал мне, что ты снял с плана свой роман и теперь будут издавать мой... Спасибо, я этого никогда не забуду".

Так, по сути, был решен вопрос, кто станет автором первого эвенского романа, увидевшим свет хотя и на другом языке. Вопрос при кажущейся простоте сложный и деликатный: многое бы отдали другие писатели, чтобы прослыть автором такого произведения. У Андрея же никаких сомнений, переживаний по этому поводу не было: он не мог перейти дорогу своему первому школьному учителю, своему руководителю литературного кружка в годы учебы в школе, своему учителю по овладению художественным мастерством. Роман А. Кривошапкина вышел в свет отдельной книгой в 1988 году. И теперь на занятиях по истории эвенской литературы каждый студент факультета северной филологии Якутского госуниверситета, как аксиому твердит, что первым эвенским романом является "Дух земли". Автор Платон Ламутский.

Статус депутата двух Верховных Советов позволил А. Кривошапкину сдвинуть, наконец, с мертвой точки дело консолидации всех сил эвенского народа не только в Якутии, но и по всей России. По данным переписи 1989 года эвенов насчитывалось 17 055 человек. Живут они в Магаданской, Сахалинской, Камчатской областях, Хабаровском крае и в Республике Саха (Якутия). А.В. Кривошапкину и его единомышленникам в марте 1992 года удалось в г. Якутске созвать Первый Всероссийский съезд эвенов. С итоговым докладом выступил он сам. Докладчик и участники съезда были единодушны в мнении, что эвенский народ, имеющий тысячелетние традиции со времен Бохайского государства, должен занять и сегодня подобающее место среди других народов мира. К сожалению, советская власть, спасая

от голодной смерти многие народы Севера, дав им в исторически невиданно короткие сроки образование, не сумела сберечь их этническую целостность, разрушив древний уклад жизни. Сокращение средней продолжительности жизни эвенов, медленный рост их численности, постепенное угасание отрасли оленеводства, ущемление многих гражданских прав, уменьшение числа людей, владеющих родным языком, алкоголизм – вот неполный перечень проблем, поднятых съездом. Вместе с тем делегаты отметили, что подготовка учителей эвенского языка в педагогическом училище, открытие северного отделения на филологическом факультете Якутского госуниверситета, создание научного Института проблем малочисленных народов Севера в составе Сибирского отделения Российской Академии наук – зародили надежду на духовное возрождение эвенского народа. Этому должно помочь и объявление ООН десятилетия коренных и кочующих племен народов Севера, а также принятие ряда организационных мер правительствами Российской Федерации и Республики Саха.

Во всех этих делах, вместе со своими соплеменниками-учеными – академиком В.А. Роббеком, доцентом Х.Н. Дуткиным и другими принимал активное участие и возглавлял отдельные направления движения к национальному возрождению депутат двух республик А.В. Кривошапкин.

Надо сказать, что, победив в длительном предвыборном марафоне четырнадцать своих соперников (!) в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР, Андрей Васильевич с самого начала попал в водоворот политических страстей.

Как известно, во второй половине августа 1991 года произошли события, связанные с попыткой изменить власть в России участниками ГКЧП. О своих действиях в эти дни А.В. Кривошапкин подробно написал в работах, опубликованных в виде записок депутата, поэтому здесь нет необходимости их повторять⁸. Отмечу только, что позиция его была однозначной в защиту Конституции и конституционного строя в России, против линии ГКЧП. Убежденный в своей правоте, он даже участвовал в непосредственной агитации среди военных, ведущих, согласно чьему-то приказу, танковые колонны к центру Москвы. При этом Андрей Васильевич был охвачен единственной целью: попытаться избежать военного столкновения противоборствующих сил, не допустить человеческих жертв, пролития крови. И надо отдать ему должное, что и здесь он не посрамил чести депутата, полностью оправдал надежды своих избирателей. В результате нескольких бесед с отдельными военными Андрей Васильевич лично убедился, что армия стала ненадежной защитой народа, она способна по прихоти командования выполнять любой его приказ. Опорой в душевном утверждении своей правоты ему послужила позиция руководства Республики Саха, осудившего авантюризм группы Янаева.

Из записок, А. Кривошапкина видно, что в те дни он решительно выступил с поддержкой президента Б.Н. Ельцина, разоблачая опасения его противников в разгуле террора. "На мой взгляд, Ельцин относится с уважением к правам личности. Уверен, что авторы распространяющихся до июля 1991 года в России черных "предсказаний" о расстрелах, виселицах не увидят их сбывшимися...

Конечно, я не хочу односторонне приукрасить облик Ельцина. Наоборот, образ идеального политика совершенно не схож, не совпадает с ним... Желал бы, чтобы Ельцин в создавшейся ситуации был до конца последовательным и честным"⁹.

Время и последующие события показали, что эти надежды автора Ельцину не суждено было оправдать полностью. Сам же Андрей Васильевич с присущей ему добросовестностью взялся за выполнение обязанностей депутата.

В отличие от других своих коллег он придерживается твердого правила регулярно отчитываться перед избирателями. За три года провел более двухсот встреч во всех северных районах республики, несколько раз посещал Эвено-Бытантайский улус, где встречался с рядом коллективов в нескольких наслегах. Кроме того, только за 1990-1994 годы в улусной газете с информацией о работе в Государственном Собрании Республики Саха и Верховном Совете России он выступил около тридцати раз.

Честно говоря, я не знаю в общественной жизни республики аналогов такого служения интересам избирателей. В печати не раз мелькало мнение, что нынешние депутаты не обязаны тратить время на выполнение мелких наказов, мол, у них теперь другие функции: законотворческие, решение кардинальных проблем и т.д. А вот Кривошапкин держал на учете около 200 просьб со всех улусов и, как только мог, помогал всем. По свидетельству его помощника И.П. Баланова, ему удалось, например, собрать около 60 тысяч рублей (сумма по тем временам немалая!) на лечение семьи охотников Васильевых из Оленька; добиться предоставления 4-комнатной квартиры матери-героине Марии Турпановой из Верхнеколымского улуса; принял участие в судьбе Старковой Марии Васильевны из Момы, многодетной матери, осужденной по какому-то делу¹⁰. К нему не раз обращались представители малочисленных народов из других избирательных округов, но это для Андрея Васильевича значения не имело, он все равно вникал в суть вопроса.

В этом я тоже убедился лично, когда в 1992 году во время командировки в Москве зашел к нему на работу в Белый Дом. В течение целого часа он подробно рассказывал о том, чем занимается: проекты документов Верховного Совета России по народностям Севера, дела Ассоциации народов Севера, хлопоты по экранизации произведений Далана, переговоры по изданию монографии о А. Кулаковском, помощь отдельным писателям и т.д. И тогда же я попросил ответить его на вопрос: "Зачем ему, писателю, все эти

хлопоты? Не лучше ли самому что-нибудь писать?”. Как оказалось, я нечаянно повторил вопрос Т. Шамшуриной, заданный ему в период предвыборной компании: ”А зачем писателю должность?” (тогда он работал в обкоме партии. – Н.Т.). И Андрей Васильевич ответил так же, как и тогда: ”В органах верховной власти обязательно должны быть представители малочисленных народов, иначе нашими проблемами никто заниматься не будет. Другого выхода не вижу. Конечно, заниматься творческой работой придется меньше, но я ни о чем не жалею. Здесь я еще глубже понял суть происходящих в стране общественных, социальных процессов, в том числе и с моим народом. В конце концов это будет полезно мне и как писателю”. Чувствовалось, по рассказу, что он часто общается с выдающимися государственными деятелями, с представителями многих народов страны, дружит с ними, взаимно помогают друг другу. Благодаря этой работе деятельность А. Кривошапкина обрела международные масштабы, известность. В этом ему значительно содействовал крупнейший писатель своего времени из нивхов, глава Ассоциации народов Севера Советского Союза Владимир Санги. Знакомство с положением малочисленных народов за рубежом помогло Кривошапкину по-новому взглянуть на недостатки современного быта своих соплеменников.

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба Андрея в этой должности, но противостояние Президента и Верховного Совета РСФСР в октябре 1993 года достигло критической точки. Белый Дом был окружен колючей проволокой, и большинство депутатов оказалось в осадном положении, хотя часть из них не рискнула испытывать судьбу и заблаговременно покинула здание. Верный обязательствам перед своими избирателями А.В. Кривошапкин остался в окруженном здании¹¹. И это стало самым тяжелейшим испытанием всей его жизни.

Первое, что поразило, – их изолировали от окружающего мира колючей проволокой, культурное название которой ”спираль Груно”: ”У меня такое ощущение, будто зубья колючей проволоки впиваются в мое тело. Мне больно. Кажется, что я весь истекаю кровью”¹². Так пришло к нему чувство своей несвободы – кто-то ограничил его жизненное пространство, урезав самое главное, его человеческое право – право на свободу.

Дневниковые записи от 2, 4 и 5 октября, сделанные при свете загодя запасенной свечи, пронизаны одной мыслью – сохранить при любых обстоятельствах человеческое достоинство, оправдать веру избравших его людей. И они смогли добиться этого, хотя руководство Верховного Совета Российской Федерации допустило роковую ошибку, дав команду брать мэрию Москвы. Услышав это, Андрей воскликнул: ”Что они натворили! Так же нельзя!”. И записал: ”До меня окончательно дошло, что оставаться в этом Доме нет никакого смысла. Все втоптано в грязь. Больше нет ни Конституции, ни демократии. Вот она, правовая провокация... Теперь у Ельцина развязаны руки – какой подарок ему преподнесли!”¹³.

Так и получилось... Начался прямой артиллерийский обстрел здания и, сидя среди этого кошмара, Андрей физически ощутил неизбежность своей смерти. Он выбрал наиболее достойный народного избранника путь праведника-борца: не дать никакого повода сопротивлением с оружием в руках. Все оставшиеся в Доме депутаты, в том числе и якутянка Зоя Корнилова, друзья Валера Хайрюзов из Иркутска, Володя Увачан, Ринат Мухадиев и другие, сохраняли спокойствие. Оставалось сделать еще одно дело — написать предсмертное письмо-завещание жене и родным, (а вдруг дойдет до адресата!), чтобы они лично убедились в его невиновности. Как выяснилось позже, действительно, было много слухов о том, что окруженные в Белом Доме люди были хорошо вооружены и оказали отчаянное сопротивление омоновцам.

Тем временем, полностью отключившись от окружающего грохота снарядов, прошивающих огромное здание и сотрясающих его до основания, Андрей писал: "Горит наш Дом. В этот страшный час в моей судьбе обращаюсь к тебе одной. Прости, что так покидаю тебя. Неужели все нити, что так крепко нас с тобой держали, вдруг так нелепо оборвутся вмиг, как будто не было меня с тобой. Но душа моя чиста, поверь. И совесть чиста, что остался здесь до конца. Я любил тебя и уношу, унося с собой любовь к тебе. Ты живи, родная, ради детей и внуков. Не горюй обо мне, себя не изводи. Власти будут врать, что мы враги народа. А ты не верь этому никогда. Вызываю по памяти образ твой, но блеснул на миг и исчез. Прощай, любовь моя, прощай, жена моя Роза..."¹⁴. И далее он обратился к своим сыновьям, дочери, к сестре и братьям с прощальными пожеланиями.

Случившееся для него было потрясением, оставшимся в памяти на всю жизнь. Даже спустя два года Андрей Васильевич при встрече с читателями в республиканской национальной библиотеке не смог продекламировать сам стихотворение, посвященное этому событию, непрошенные слезы мешали чтению. И он попросил сделать это Варвару Григорьевну Белолюбскую ведущую этой встречи, известную поэтессу под псевдонимом Аркук. Она прочла задушевно, проникновенно, часто останавливаясь от волнения. В абсолютной тишине полного зала прозвучали заключительные строки стихотворения "Письмо из горящего дома. Белый Дом. 4 октября 1993 года":

К тебе, к тебе летят мои мечты,
Не устаю тебя я звать и ждать,
Но лишь на миг лучом блеснула ты
И тут же вновь растаяла опять.
Жизнь натянулась тонкой тетивой,
Но рок еще сильнее сгибает лук.
Что сделать хочет он с тобой и мной,
Неужто разом оборвать все вдруг?..

Но нашлись порядочные люди и среди власть предержащих; несколько человек из отряда особого назначения "Альфа" помогли людям выйти из этого ада. Правда, вся картина кровавой осады пока не раскрыта до конца, но и по отдельным воспоминаниям вышедших оттуда живыми можно предположить, каким унижениям и оскорблениям были подвергнуты многие из них на выходе. Андрею повезло – ему удалось урезонить попытавшегося ограбить его водителя КАМАЗа и целым и невредимым сесть в поезд метро. Вот тогда он только поверил, что остался жив и вскоре будет дома.

Основной же вывод, который А.В. Кривошапкин сделал из всего пережитого, думаю, разделят многие прогрессивные люди мира: "Страшный, черный день, он навсегда войдет в историю как кровавый Понедельник. Честные люди Земли, запомните 4 октября 1993 года! Это день позора и черной трагедии России... В этот день совершено крупнейшее преступление двадцатого века"¹⁵.

Через несколько дней нашлась и З.А. Корнилова, тоже чудом уцелевшая в этой политической мясорубке. Оба депутата в один миг оказались без средств к существованию, иждивенцами в своих семьях. А.В. Кривошапкин получал зарплату как член Верховного Совета РФ, а З.А. Корнилову предусмотрительный Президент РС(Я) освободил от занимаемой должности приказом еще 4 октября, не дожидаясь ее выхода из осажденного Дома. Она могла и погибнуть в этой круговерти событий. Что тогда делали бы с этим приказом?

К слову сказать, депутатам из других республик, выдержавшим осаду, помогали лично президенты этих республик, поддерживали морально и материально. По собственному признанию Андрея Васильевича, он долго еще находился в состоянии шока от пережитого. В те дни я был в Доме творчества в Переделкино, под Москвой, и помню, как числа 7 или 8 октября дозвонился до квартиры Андрея, сказал ему, что многие поддерживают его и рады, что он жив-здоров, как мог успокаивал. Он был очень сдержан, немногословен, поблагодарил за добрые слова. Но меня больше всего поразила его интонация, голос – абсолютно бесцветный, монотонный. Ни до этого, ни после я не слышал у него такой невыразительной речи. Лишь позднее, когда прочитал его дневники в "Коммунисте" (орган КПР в нашей республике), я понял всю глубину его душевного потрясения.

Но жизнь идет своим чередом. Видимо, учитывая объективный характер всех его выступлений на заседаниях Верховного Совета, а может, и то, что он – представитель малочисленного народа, с его семьей обошлись по-людски – оставили в покое. К другим же приходили с требованиями выселиться в кратчайшие сроки...

Как говорят, чистая правда никогда не тускнеет под пылью времени и грязной лжи. Наперекор всему Андрею Васильевичу удалось отстоять свою правоту перед избирателями, которым не раз и не два пытались внушить, что их депутат "стрелял в людей из Белого Дома". Не секрет и то, что официальные власти на местах и в республике не были в восторге, когда в 1993 году А.В. Кривошапкин вновь был выдвинут кандидатом в депутаты по Эвено-Бытантайскому избирательному округу. И произошло то, что некоторые политологи восприняли как чудо, на самом же деле это было простым торжеством правды – он стал депутатом Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) в декабре того же, кровавого 1993, года.

Большое значение для внутреннего самоутверждения и душевного равновесия имела его деловая поездка в Америку с 12 марта по 11 апреля 1994 года по приглашению посла США Э. Томаса Р. Пикеринга. Оказывается, есть специально финансируемая программа проблем коренных народов Америки, в которой предусмотрено приглашение представителей малочисленных народов России. Приглашение было адресовано лично А.В. Кривошапкину как председателю постоянной комиссии по правам человека и малочисленных народов законодательного Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). Думается, что приглашающая сторона была хорошо осведомлена об участии Андрея Васильевича в октябрьских событиях 1993 года, когда за сражением вокруг Белого Дома наблюдали прямо из окон американского посольства. Может, именно поэтому, в числе делегации из представителей народов из Чукотки, Эвенкии, Ямало-Ненецкого автономного округа и других регионов был включен и он. Кроме него, поехала из Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН доктор У.М. Винокуров и аспирант С.Н. Свинобоев.

Свои впечатления о поездке он скрупулезно записал в специальном дневнике-размышлении и опубликовал позднее в печати¹⁷.

Общий вывод Андрей Васильевич сделал однозначно положительный, хотя в его данных, почерпнутых из уст местных руководителей делами индейцев и других малочисленных народов, есть много настораживающих моментов. Это прежде всего низкий уровень грамотности и высокий процент безработных, у некоторых племен среди коренных жителей до 90 процентов. Нет у них и своих писателей, развитой художественной литературы. Здесь, видимо, не нужно односторонне видеть злополучный тезис капиталистического угнетения малых народов, хотя оно было и есть. Об этом приводится много исторических данных, в том числе известное всему миру, уничтожение индейцев на их земле. Но, как рассказал Кривошапкину господин Маделина, первый и единственный депутат палаты Представите-

лей Американского Сената, консервативность некоторых племен рождает свой особый менталитет. Так, племена пуэбло, к которым принадлежит господин Маделина, считают, что им не нужна грамотность, чтобы не испортить самобытность родного языка. "Мы не хотим продавать свой язык, а пока живы – сохраним и язык" – заявляют они. Тем не менее, в некоторых племенах в результате смешанных браков родной язык исчезает. В то же время Андрею Васильевичу очень понравилась самостоятельность жизни племен, структура их руководства, позволяющие вести борьбу за интересы их членов. То, что они получают плату за пользование их землями, определенные проценты с прибылей добывающих их сырье предприятий, пользуются льготами при обучении в вузах и так далее, вполне воспринял российский эвен А.В. Кривошапкин, как задачу, которую надо решать. Для этого он видит один единственный путь – не ждать правительственных подачек, а самим добиваться всего. "Нам, малочисленным народам, надо менять свою геополитическую, стратегическую линию", – пишет А. Кривошапкин. А именно: активнее выходить на связь с ООН, ЮНЕСКО, Северным Форумом, Северным Советом Саами, неправительственной организацией Ай-Си-Си и другими. Самостоятельный выход малочисленных народов России на международную арену видится ему как один из путей выживания. Чем быстрее, тем лучше.

После поездки в Америку оптимизма у него прибавилось; даже не имея постоянного места работы, он включается в проблемы избирателей, тщательно следит за исполнением их наказов. Поневоле оказавшись вне повседневной службы, активно занимается творческой работой, изданием всего накопленного за эти годы. За 1993-1995 годы он издает несколько книг: сборник стихотворений на эвенском и русском языках, книгу о В. Лебедеве, об истоках эвенской литературы; совместно с супругой Розалией Серафимовной составляют программу для кочевых школ, хрестоматию по культуре народов Севера, публикует свои впечатления о поездке в Америку и т.д.¹⁶. Все это сопровождается активной общественной работой, многочисленными встречами с жителями Эвено-Бытантайского национального улуса, выступлениями в периодической печати, работой в Ассоциации народов Севера Республики Саха.

Наконец, в октябре 1994 года решается вопрос его трудоустройства – Андрей Васильевич назначается постоянным представителем Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха в Федеральном Собрании Российской Федерации.

Теперь многочисленные почитатели его таланта, избиратели по радио, по телевидению то и дела слышат: в Москве, в верхах, произошли такие-то встречи, переговоры, достигнута договоренность; в них принимал участие

наш постоянный представитель А.В. Кривошапкин. В этой работе ему помогают и укрепившиеся связи с политическими зарубежными деятелями и представителями литературы. Его имя часто появляется на страницах "Голоса Арктики", издаваемом на русском и английском языках, распространяемом по современным каналам связи в 11 северных регионах России, в США, Канаде, странах северной Европы, Республике Корея, Японии, Монголии, Китае. В своих статьях, опубликованных на страницах этого информационного издания двух солидных организаций (Российского информационного агентства "Новости", Российского секретариата "Северного Форума"), А. Кривошапкин делится своими тревожными мыслями об актуальных проблемах выживания малочисленных народов России, вносит конкретные предложения, предлагает возможные пути их решения. Таким образом, слово писателя приобрело международное звучание и огромную аудиторию, охватывающую всех пользователей компьютерной системы "Интернет".

В настоящее время семья Кривошапкиных живет в Москве. Хозяйка дома Розалия Серафимовна активно помогает мужу в его повседневных делах; они вместе составляют учебники и учебные пособия для эвенских школ. Дочь и младший сын учатся в вузах. Последний овладевает новым делом – преподаванием традиционного искусства в школе. Сам неплохо рисует, одна из его картин было представлена за рубежом на выставке изобразительного искусства народов Севера. Большую помощь в этом оказал известный художник северянин Юрий Спиридонов. Другие картины Геры, которые я видел в их доме, написаны тоже профессионально. Андрей Васильевич объяснил, что Гера очень правдиво воспроизводит впечатления детства в тундре, в тайге у охотничьей избушки. Старший сын Саша трудится в родных местах. В Якутске растет маленький Андрей Кривошапкин.

Род эвенов продолжается.

Глава II. ПОИСКИ ТРОПЫ ВЫЖИВАНИЯ (Проблематика творчества)

Как известно, вопросы, темы для своих произведений писатель обычно черпает из своего жизненного опыта, окружения, природно-климатических условий, в которых родился и вырос. Не избежал этого и Андрей Кривошапкин. И первые впечатления от суровой жизни на Севере, в кругу родных и близких людей, занимавшихся в основном оленеводством, остались у него на всю жизнь. Так возникла у писателя тема формирования ребенка Севера.

Она не нова в литературе малочисленных народов Якутии. Первые сведения о том, в каких условиях выросло будущее поколение северян в до-революционной жизни, читатели бывшего Советского Союза, потом и зарубежных стран, узнали из книги Теки Одулока "Жизнь Имтеургина старшего". Вчитаемся в суровые, бесстрастные строки: "Потом Кух развязала детей и занесла их в полог. Раздевшись, сразу хотела распеленать сына – вся одежда примерзла к телу ребенка. Кух очень осторожно отлепила задубевшую от мороза шкуру, очистила тело от шерсти. Маленький Имтеургин не шелохнется, даже не плачет, и мать подумала, что он заболел.

– Соси, – сказала она и ткнула грудью мальчику в рот, но он лишь мотнул головой. Встряхнув ребенка, Кух хотела пальцами открыть ему рот – он не открывает, стиснул зубы, а из краешков рта виден кусочек замерзшей печени. Мальчик тяжело дышал через нос. Мать попыталась вытащить кусочек печени, да не получилось: он примерз к языку и губам. Кух, облизывая языком, оттаяла обледеневшую печень и выбросила"¹.

Как видим, повествование лишено всяких эмоций, хотя речь в нем идет о страшных картинах детства. Для матери-северянки это обычное явление. А случись с другой мамой? Она всполошила бы всех родных, подняла бы переполох. Здесь же мать молча, привычно спасает ребенка от случайной смерти. И таких опасностей в жизни ребенка в кочевых условиях было множество, выживали единицы, происходил естественный отбор. Север оставлял в живых только сильных и выносливых. Большинство детей умирало. В семье Кривошапкиных двое умерли в детском возрасте. В семье будущего классика эвенской литературы Платона Ламутского до его рождения также умерло двое детей. По семейному преданию, он остался жив лишь потому, что случайный проезжий дал ему свое имя. Это был саха Платон Эверстов, который предложил: "Говорят, если дать ребенку имя совершенно постороннего человека, то абаасы, пожирающий детей, заблудившись, не находит его и уходит. Поэтому я хочу дать ему свое имя"². Так появился будущий эвенский писатель с именем саха. А его предшественник Николай Тарабукин посвятил своему детству целую повесть "Мое детство"³. И мы еще раз убеждаемся, как трудно доставались эвенским мате-

рям их дети. Зато, выкарабкавшись из люльки, они с первых шагов приучались добывать себе пропитание. И дедушка, и бабушка постоянно внушали Коле, что они надеются только на него, будущего добытчика. И даже когда их внук, разорив гнезда, принес рукавицу, до верха наполненную птичьими яйцами, они делают вид, что очень рады: "Как хорошо, будущий кормилец растет". Тарабукин описывает свои детские радости: катание с гор, дружбу со щенком, пение птиц, приход зимы, игру в оленей... К семи годам он научился самостоятельно охотиться на белок, ставить силки, а с девяти лет начал помогать старшему брату пасти оленей. Уже маленьким он почувствовал социальное неравенство, так как все обиды в детстве ему наносили сытые дети богатых сородичей. Но наделенный от природы даром поэзии Николай Тарабукин очень рано стал замечать красоту жизни:

Как начал ходить,
Полюбил я природу,
Как начал смотреть вокруг,
Стал я говорить...
Не зная пути-дорожки,
Подружился с маленьким щенком.
Увидев впервые птичек,
Вслушивался в их слова.
Находясь с ними рядом,
Перенял их песни я⁴.

Ему повезло: сам председатель исполкома Верхоянского районного совета депутатов трудящихся привез его в Якутск, и он стал жить в интернате, учиться, научился говорить по-якутски. Впервые в жизни стал носить рубаху, пиджак, сапоги.

Так начала изменяться судьба детей Севера, детей эвенков. Не зря же Колю Тарабукина в те годы звали "Сын исполкома". Советская власть сделала великое дело – спасла жизнь многим северянам тех лет, дала всем образование. Как бы ни ругали интернаты, без них тогда нельзя было обойтись.

Андрей Кривошапкин тоже из этого интернатского поколения. И надо отдать ему должное – он остался верен прежнему чувству благодарности советской власти и коммунистической партии.

Но свои произведения о детях он посвятил не жизни в интернате, учебе в школе, а их участию в работе взрослых во время летних каникул и во внеучебное время. Такой прием позволил автору полнее показать приобщение детей к секретах охоты и оленеводства, умение жить в экстремальных условиях. Владимир Санги, характеризуя общественную деятельность и творчество Андрея Кривошапкина, выразился очень емко и образно: "Поиск тропы выживания"⁵.

Одной из троп выживания эвенского народа Андрей Кривошапкин считает воспитание детей в духе любви к родной, исконной земле, привитие любви к традиционным занятиям. Это рассказы для детей, объединенные в циклы под названиями "Из рассказов бабушки", "Внуки потомственных охотников".

Свое понимание того, какими должны вырасти дети эвенов, автор художественно воплотил в образе Апоки ("Повесть из рассказов об Апоке").

Апока – ученик третьего класса, сын известного оленевода Чиктикана, бригадира, приезжает в стадо на летние каникулы. Чувствуется, что это его родная стихия, он знает многие тонкости повадок оленей, наравне с отцом дежурит, помогая ему в этой трудной работе. Андрей, выросший в подобных условиях, художественно убедительно раскрывает особенности характера мальчика-эвена. Так, Апока, проснувшись в летнем тордохе, слышит шумное дыхание оленей и привычно думает: "Сегодня опять будет жара". А найдя группу отбившихся от стада оленей, начинает сразу энергично гнать их, крича: "Чаат! Сэй!" – потому что знает, если пастух не сумеет овладеть ситуацией, олени перестают подчиняться ему. Но отцу о том, что это он нашел оленей, не говорит. И Чиктипан тоже не стал его хвалить, а молча с гордостью подумал: "Оказывается, пропавших оленей он пригнал в стадо. Настоящий эвен! Другой бы на его месте бил себя в грудь, мол, я нашел".

В другом месте, когда отец устраивает соревнования в меткости кидания маута в цель, Апока незаметно устраняется от участия. Ему, уже опытному оленеводу, не хочется смущать своей победой неумелых друзей. Жизнь в суровых условиях Севера научила Апоку быть решительным, быстро реагировать, моментально принимать решения. Так, он спасает оленя, несшего кладь с сухими дровами и споткнувшегося на крутой горной тропе. Обрезав веревку клади и поводок, Апока сумел вовремя освободить оленя от груза и дал возможность встать на ноги. Во всем этом видны добрые зачатки будущего человека с характером настоящего эвена. В то же время автор не скрывает, что даже в среду детей эвенов проникают чужие традиции, потребительское отношение к жизни. Петя, приехавший из центра, где отец работает заведующим магазином, уже начинает разделять образ мыслей отца: природа не убудет, если среди лета убить горного бараначубуку, чтобы подарить его прекрасные рога какому-то начальнику. И, увидев редкое явление – пасущегося чубуку, Петя озабочен лишь тем, чтобы успеть привести сюда дедушку с ружьем. Апока же не раз слышал, как даже взрослые мечтали увидеть близко чубуку, и когда ему повезло – он увидел почти рядом пасущееся животное, то от охватившего его чувства восторга затаил дыхание: "Он почувствовал, что прикоснулся к чему-то прекрасному, не поддающемуся выражению словами". И мальчишки, каждый отстаивая свою позицию, начинают выяснять крепость убеждений на кулаках...

Повесть, вероятно, навеянная детскими впечатлениями, полна и чисто познавательных сведений. Здесь юный читатель узнает о трудностях пастьбы оленей ночью, как тяжело заготавливать топливо, лечить больных оленей, какие хлопоты доставляет пастухам обилие грибов, как вкусны лепешки после трудового дня.

Автор, как неотъемлемые элементы жизни на Севере ненавязчиво вклинивает эпизоды встречи детей с лисицей, дает почувствовать опасность встречи с медведем. Все эпизоды пронизаны любовью к северной природе: "Правда, зима здесь длинная с выюгами, снегами. Но лето, хоть короткое, прекрасное. За несколько месяцев земля вся покрывается чудесными цветами, кругом наливается зеленью, солнечный свет становится невыносимо жарким. В такое время трудно поверить, что находишься на Крайнем Севере".

Во всех своих поступках Апока руководствуется советами взрослых. Автор как бы наглядно демонстрирует передачу национальных традиций из рук в руки. Таким же изображен и Миичээн, поехавший впервые промышленным охотником вместе с наставником-дядей Ичэновым⁶. Он тоже с детства привык к самостоятельной жизни, уже в шестилетнем возрасте добыл первого горностаю, крупного самца. Дед его был страшно обрадован добычей внука, в этом он, как и все эвены, увидел более глубокий смысл: "Оо, мой милый внучек! Из тебя вырастет охотник, достойный памяти нашего рода!". Тем не менее Миичээну приходится овладевать секретами промышленной охоты на белок, на соболей, и признаком его зрелости является эпизод встречи с медведем-шатуном. Беспомощный перед хищником со своей тозовкой, Миичээн мгновенно отпускает ездового оленя, тем самым подает сигнал бедствия дяде (олень обязательно прибежит к месту ночевки), а сам спасается, взобравшись на дерево. Хотя он и не убил медведя, но дядя по достоинству оценил мужество племянника: "Твой дед, отец были удачливыми, умелыми охотниками. Ты тоже, видать, вырастешь похожим на них. Так и должно быть: ты внук потомственных охотников".

Проблема преемственности, ее важность в судьбе эвенского народа более объемно, многосторонне поставлена в романе "Золотой олень" (1990). Это произведение о жизни современных эвенов и охватывает большой спектр проблем, среди которых мы находим размышления автора о будущих поколениях эвенов.

Роман начинается со строк, пронизанных болью и суровой правдой о жизни поселка эвенов Бургавли: в поселке вот-вот закончится запас солянки для электростанции и трактора, а самолет не прилетел; единственный трактор, обеспечивающий поселок дровами, где-то застрял из-за пьянства тракториста Вадима и грузчика Голикова. И когда с трудом удастся выйти из создавшегося положения, управляющий отделением Айняри предается горестным размышлениям о беде, грозящей эвенской молодежи, да и не только эвенской — алкоголизме. Ему вспоминаются разные случаи из жизни

поселян, связанные с трагедией жителей Севера: как молодой охотник, возвращавшийся из поселка к своим угольям, зарезал в пьяном затмении ездового оленя; как пьяный зоотехник замерз, сидя у угасшего костра с протянутыми вперед руками; как застрелился опьяневший больной оленевод; как пьяный пасынок бросился с топором на приемного отца... Айняри ломает голову в поисках спасения народа от нависшей опасности: "Есть ли вообще выход? Неужели в целях спасения малочисленных народов Севера нельзя совсем запретить завоз этого приносящего беду горького питья? Единственный разумный и первый способ – сделать Север зоной отказа от алкоголя на основе веры и самовнушения самих жителей. А правительство пойдет на это?"

В этих горьких размышлениях слышится отзвук дум самого автора, убежденного трезвенника, ставившего целью личным примером доказать, что эвены не такие, как пишут о них. Может поэтому он в романе выводит образы молодых эвенов-олeneводоv Орана, Димы, Сергея, совершенно не признающих этой пагубной привычки, пить водку при каждом удобном случае. Андрей Кривошапкин как бы призывает своих соплеменников-читателей брать с них пример. В целом же он пожалуй, единственный из эвенов писатель, который мужественно заговорил на языке художественной литературы о бедствиях своего народа.

Судьба современного поколения эвенов показана на примере жизни Кирилки. Мальчик, выросший в стаде, в силу обстоятельств становится горожанином и начинает забывать родной язык. А когда после неудачной попытки учиться в вузе возвращается в родные места, то испытывает серьезные трудности. Но мудрый дядя Этикэн, старый оленевод, постепенно приучает племянника к тонкостям эвенского образа жизни, объясняет, что к чему. Его знание повадок оленей, умение обращаться с ними, да и бережное отношение бригадира Орана помогают мальчику вспомнить детство, заново восстановить утерянные навыки. Кирилке не понять вначале, почему не признает его белоснежный олень Гелтаня, ведь он выхаживал его со дня рождения. И Этикэн объясняет: "Олень все равно как человек. Лишь не умеет говорить. А на деле понимает преданность друга, предательство, ты же уехал, и он подумал, что ты предал его". Старик раскрывает и вторую причину отчуждения оленя: "Ты когда-то разговаривал с Гелтаней на своем родном языке. А сейчас не можешь. Вот и не признает тебя". В подтверждение своей мысли Этикэн рассказывает внуку предание, которое услышал от своего деда, а тот – от своего. Согласно этому преданию, из троих братьев средний перекочевал к одулам, отдав предпочтение рыболовству. А младший и старший первыми из эвенов сумели приручить диких оленей, постоянно общаясь с ними на своем языке. Когда средний брат приехал в гости и заговорил на языке одулов, оленей как ветром сдуло – настолько чужими показались звуки. И только когда после долгой погони братья стали звать их на эвенском языке, стадо повернуло домой.

В этих словах старого эвена заключен глубокий смысл, перекликающийся с современной жизнью -- потеря языка неизбежно приводит к другому образу жизни. В свете научных данных это предание не кажется мистикой -- привыкание животных к определенному звуковому строю речи, в данном случае эвенской, вполне объяснимо.

Мысли Этикэна автор подтверждает и словами нового директора школы Егора Ивановича Лебедева, который, посетив стадо, беседует с Кирилкой: "Не знающий родного языка человек становится человеком без рода, без племени".

Писатель уверен в будущем Кирилки -- этот станет настоящим эвеном. Не зря же он чуть не утонул, спасая традиционную, бесценную для эвенки сумочку (авсу) с необходимыми для кочевой жизни вещами, с хранимыми семейными амулетами. И Этикэн в конце произведения говорит: "У тебя есть способность всем своим существом чувствовать природу. Этот редкий дар дается не каждому человеку". Значит, думаем мы, человек состоялся. Такие опытные таежники зря не скажут.

Как видим, Андрей Кривошапкин дает свой вариант решения жизненно важной для эвенов проблемы преемственности поколений -- возвращение к традиционному образу жизни современных молодых людей, сочетающих европейский уровень культуры с незаменимым опытом предков.

В этом плане писатель тоже пока единственный, нащупывающий тропу выживания. Другие же авторы из северян, пишущие о поколении своих народов, остаются в рамках изображения их жизни в детстве, в школьные годы. С легкой руки Кривошапкина чаще всего описываются дни каникул, зимних или летних. Таковы произведения Улуро Адо ("Рассказы Юко"), Николая Курилова ("Живу в тундре", рассказы "Ухо" старшего брата", повесть "Зову в тундру"). Но они уже повествуют о детстве северян наших дней, полны юмора, с особенной выразительностью передают постижение окружающего мира маленькими северянами, включены сказки о зверях, национальных обычаях юкагиров. В общем рассказ часто ведется от имени самих детей, чувствующих себя счастливыми и живущих полноценной детской жизнью. Такова была и правда жизни.

Второй тропкой, ведущей к выживанию эвенов Андрей Кривошапкин считает сохранение оленеводства в местах, где они живут издревле. Не случайно он почти все свое творчество посвятил этой теме. Название романа "Золотой олень", повести "Олени моего детства", сборники рассказов "Поездка к оленям", "Мой олененок" говорят сами за себя. И Варвара Окоорокова дала очень характерное определение всего творчества писателя, назвав свою статью "Ода оленю". Правда, ода оленю часто сменяется тревогой за его судьбу. Сотни статей республиканской печати, выступлений по радио и телевидению свидетельствуют бесспорную истину -- за годы так называемой перестройки в некоторых улусах поголовье оленей сократилось в 1,5-2 раза. А в большинстве улусов живут и работают эвены.

И у них с испокон веков установилось как твердое убеждение: “Эвен без оленей – не эвен”. К такому выводу они пришли в результате многовекового горького опыта, когда жизнь того или иного племени эвенов зависела от благополучия оленьего стада. Затерянным в тундре или в горах Верхоянья людям не на кого было надеяться. За годы советской власти эвены стали другими, многие из них овладели современными профессиями; есть академик, писатели, капитаны, пилоты; об учителях, врачах, ученых и говорить не приходится. Жизнь их давно перестала зависеть от уровня оленеводства. Впрямую она теперь касается лишь тех, кто и сейчас живет и работает в стадах. Но эта тема продолжает оставаться ведущей в эвенской литературе. Олень стал символом духовной категории, силы национального самосознания. Тем более, что на эту тему пока еще пишут писатели-эвены, жизнь которых была когда-то тесно связана с данной отраслью хозяйства.

В том, что я выбрал оленя,
Полюбил я езду на оленях,
Никто меня не принуждал,
Не обязал, не навязал.
Выросшего на Родине моей
Счастья полного хозяина,
Искристо взлетающего снегиря
Я люблю, по детски люблю, —

писал Платон Ламутский, один из классиков эвенской поэзии.

Я не последний из них,
Кто оленя полюбил.
Я сейчас не один
Кто ездит на оленях.
Мы с оленем моим
Будем долго еще
Сквозь века стремиться!

– вторил ему Василий Лебедев, писатель, ученый.

Диво дивное
Северной земли.
Олененок милый
Не убегай от меня.
Будь быстроногим,
Легким в прыжке,
Будь славным буром,
Обрадуй пастуха,

– благословляет современный учитель эвенского языка, писатель Василий Кейметинов-Баргачан. А сам А. Кривошапкин в стихотворении “Судьба оленя” искренне переживает за него и невольно начинает думать о судьбе эвенов:

А он служил ему как надо:
Возил, кормил, спасал в пургу.
А вот теперь за все награда –
Кровавый росчерк на снегу.
Но взглядом мертвый лес окинув,
Я грустно заглянул вперед:
О, как бы вдруг его судьбину
Не повторил и мой народ...
И сжалось сердце в лапах стресса,
Плеснул по венам непокой:
О, эра бурного прогресса,
Стань эрой чуткости людской!

Все эти писатели, поэты, ученые как бы выполняют завет потомственного оленевода-эвена старика Мэхээ, который вполне допускал, что его единственный сын может выбрать совсем другую профессию (“Золотой олень”), но ему постоянно твердил: “Оран, если даже станешь образованным человеком, не забывай оленя, люби его, в нем наши корни, без оленя у нас нет жизни. Сегодня живы благодаря ему, да и в будущем невозможно будет жить без оленя. Запомни это”.

Андрей Кривошапкин интуитивно, раньше многих понял, что самое опасное для дорогого его сердцу оленеводства. Если даже маленький Петя, как говорилось выше, видит в таком прекрасном явлении природы, как чубуку, лишь материальную ценность его рогов, то взрослые давно уже заражены жаждой наживы, славы, соперничества. Ради этого они готовы на все. Таково противопоставление рыночного подхода к оленеводству со стороны Хадара Болгитина, бригадира, и заведующего фермой Юрэнчэнова и молодого, но влюбленного, кровно заинтересованного в своем деле пастуха Гены Умтичана.

Писатель показывает методику выращивания оленей раньше, древними звенами. Гена и его поколение еще застали домашних оленей упитанные, породистые стада. В то время забой оленей являлся как бы одним из приемов улучшения породы животных, изменения структуры стада, что гарантировало хозяйству устойчивость, благополучие. Василий Лебедев, живой свидетель этого, в стихотворении “Забой оленей” поэтическим языком говорил:

В стаде оленей
Сегодня кутерьма...
Оставлены здесь
Лишь самки с самцами.
И меж ними видны
Ездовые, молодь оленей.
А старые и самки,
Не отелившиеся летом,
Все погнаны на забой.

В совхозе же в погоне за выполнением плана по мясозаготовке, спущенного руководством района, из года в год забивают самых крупных, породистых. Постепенно олени в совхозе стали малорослыми, слабыми. Особенно усердствовала бригада Хадара Болгитина, прославившаяся на весь район, на всю республику. Молодой Гена Умтичан вначале тоже восхищается умением Хадара, его работоспособностью. Но, вникнув в дело, он постепенно понимает, что если так продолжать, у оленеводства не будет будущего. Ему искренне, до боли в сердце жаль загонять на убой красавцев буров, самых крупных самок, так напоминающих увиденных им в детстве оленей. Ему удастся убедить управляющего отделением совхоза Адитова вернуть приведенных им по приказу Хадара оленей, а вместо них поставить на предзабойный откорм более слабых, малорослых оленей. Но заведующий оленеводческой фермой Архип Юрэнчэнов тайком дает приказ начать забой. Жители поселка, спешат принять участие в забое, так как участникам его дается часть оленьих лап, ценного сырья и возможность купить хорошего мяса. Но Гена, случайно узнав о начавшемся забое, решительно разгоняет всех, открывает ворота загона и выгоняет своих оленей. Лишь после гневного обращения Гены: “Люди, у вас разве нет совести? Или ее продали за оленьи лапы?!” — селяне понимают свою ошибку, хотя некоторые продолжают осуждать пастуха.

Так, размечтавшиеся о наградах за усердие Юрэнчэнов и бригадир Хадар впервые получают достойный отпор. Гена же обретает уверенность в правильности своего поступка настолько, что, даже встретившись в тундре с волками, смело вступает в схватку. Выручает его, подаренная ему другом Степаном охотничья собака Моойто. Из эпилога мы узнаем, что Гена стал бригадиром, Хадар и Юрэнчэнов освобождены от должностей. Открылась дорога к осуществлению мечты — возродить, вернуть к жизни оленей детства.

Таким образом, отношение к оленям Андрей Кривошапкин делает своего рода мериллом достоинства человека. Хадар Болгитин при своем знании дела показан ограниченным, грубым человеком. Он — живое воплощение командного стиля руководства. Кроме того интеллектуально беден. Чтение книг считает пустячным занятием. Именно из-за него, из-за постоянных унижений уходит из стада Степан Мичитов, друг детства Гены, в общем-то неплохой человек. Хадар не прочь отослать простодушного пастуха Кешу под каким-нибудь предлогом, чтобы переспать лишний раз с его женой. Безнравственность поведения бригадира окончательно снижает его авторитет в глазах Гены, случайно ставшего свидетелем этих ночевок.

Гена же выведен автором юношей с отзывчивой душой, отважным охотником. Его дружелюбие, бескорыстная помощь заболевшему пожилому пастуху Ньюкуу и сбившемуся из-за Хадара жизненного пути Степану, ласковое, влюбленное отношение к жене Клаве хорошо характеризуют современного эвена. Его возмущает повышающийся интерес односельчан к наживе: “Все живут в достатке, богато, а некоторых жадность одолевает еще больше”.

О зависимости состояния оленьего стада от характера пастуха постоянно твердит старый Этикэн. По его мнению, олень понимает человека. Не зря же бытует среди эвенов сказка о Хосуке и Чонанде. От них ушли ездовые олени и, попав на богатое ягелем пастбище, пасутся. Но на удивление обоим олень Хосука продолжал худеть от тоски по ласковому, заботливому хозяину, а олень Чонанде, вспоминая избиения хозяина, решает насовсем уйти от него со стадами диких оленей. Олень Хосуке возвращается. Вот почему Этикэн лишается дара речи, увидев, как Кеша Голиков пинает ездового оленя. В беседах с Кирилкой старик, как давно установленные истины, рассказывает: "... Характер человека, его сущность видно бывает по его оленям. Олени плохого, сварливого хозяина всегда бывают худыми, шерсть их выглядит серой, словно опаленная огнем.

... Олени доброго человека всегда жирны, упитанны, гладкие, словно расчесанные. Если олень любит хозяина, и если тот все время навещает его и он постоянно видит его, то такой олень всегда в форме, всегда в теле. Он никогда не подведет хозяина..."

Поэтому настоящие пастухи оленьих стад, такие, как Оран, если даже все спокойно, регулярно выходят на дежурство. Они знают, что присутствие человека успокаивает оленей, и они хорошо пасутся, быстро набирают вес.

В этом вообще-то ничего удивительного нет: человек находит гармонию существования в особых, экстремальных условиях Севера. Удивительно другое: Андрей Васильевич, по существу давно став горожанином, продолжает в жизни соблюдать эти древние критерии человечности. Видимо, писатель остался верен интересам своего народа. Об этом свидетельствует детальное знание современного состояния оленеводства, причем не понаслышке, а как свои собственные заботы. Поэтому когда читаешь, как озабочены герои произведений "Золотой олень" и "Олени моего детства" отсутствием мастеров, умеющих изготавливать седла для езды на оленях, как мало в стадах обученных верховых, объезженных оленей, как жажда заработка валюты продажей пантов плохо отражается на будущем оленеводства, безусловно, веришь автору. Тем более, что эти проблемы остаются актуальными и поныне.

Третьей тропой, ведущей эвенский народ к выживанию, по мнению Андрея Кривошапкина, станет осознание своих глубоких корней, рост национального самосознания и сохранение чувства собственного достоинства в наступившем диком веке рыночных отношений. Опасность разрушающих душу эвенов порядков писатель почувствовал давно. Именно об этом речь идет в "Оленях моего детства", но пока как один из побочных мотивов.

Мы ясно ощущаем, что именно верность Гены вековым традициям своего народа делает его сильным, уверенным в своей правоте. Автор, не показывая личной симпатии к этому образу, тем не менее, всем строем изобразительных средств, расстановкой персонажей повести дает понять, что будущее эвенов связано только с такими людьми.

Разрушающее влияние рынка на традиционный уклад жизни эвенков с большой остротой Кривошапкин поставил в повести “Уямканы идут на Север” и в романе “Золотой олень”.

Коренные народы Севера, эвенки, эвенки, юкагиры и другие малочисленные этносы с испокон веков понимали, что их благополучие зависит от природы, от ее богатства. В фольклоре герои сказок или преданий, охотясь на оленей, уямканов, никогда не истребляли все стадо, если даже такая возможность была. Они знали, что, только оставив часть стада, можно рассчитывать на дальнейшую жизнь. В повести “Уямканы идут на Север” современный эвенк Никандр Николаев в самый разгар морозов организовал отстрел уямканов с вертолета. Дело не только в том, что сама форма охоты (с вертолетов обычно отстреливают волков) была запрещенной, в это время истинный эвенк без нужды не убивает этих животных — в сильные морозы они голодают, становятся тощими. Конфликт между Аркадием Кирилловым и Никандром Николаевым рожден борьбой народных обычаев против потребительского отношения к природе. Никандр рассчитывал мясом незаконно добытых уямканов ублажить не только летчиков, но и своих знакомых, высокосидящих начальников. Ламутов рассказывает Кириллову, как они однажды охотились с Никандром. Случилось так, что наткнулись на медведей. Поскольку было далеко, решили подкрасться ближе. Оглянувшись назад, Ламутов увидел, что Никандр прихватил с собой мешок. На недоуменный взгляд товарища Никандр объясняет: “Друг Мясин (зампред райисполкома) просил добыть медвежье мясо и желчь. А в кулю положу шкуру медведей. Если принести их не упакованными, лошадь испугается, она здорово чует и не любит медвежий дух...”.

Этот эпизод Ламутов комментирует так: “Я был поражен. По обычаю эвенки никогда не делают загодя неубитого еще зверя. А Никандр ведь эвенк же, а уже распределил, куда денет сало, желчь, шкуры живых медведей... Такого хитрого, бессовестного эвенка я еще не встречал”. К этому он еще добавляет, что у Никандра в г. Якутске есть постоянно закрепленный за ним номер в гостинице, конечно же, за определенную мзду. Героям повести, эвенкам, кажется все это сверхкошунством. Но тогда рынок только-только начал набирать силу. Из-за отдаленности и дороговизны транспортных услуг все северяне очутились в очень неравных, по сравнению с центральными областями, тяжелых условиях. Как быть эвенкам, какие пути искать к выживанию — об этом размышляет Андрей Кривошапкин в романе “Золотой олень”.

Это произведение о жизни современных эвенков. В нем художественно отражена судьба жителей поселка Бургавли, вначале влачившего жалкое существование в качестве отделения совхоза, а затем получившего своеобразный суверенитет в форме самостоятельного совхоза. Как убеждает нас автор всей системой художественных образов, это становится ключом возрождения поселка, и поскольку в Бургавли в основном живут эвенки, возрождение поселка как бы символизирует возрождение всего эвенского народа.

Главным героем романа выведен обэвенившийся саха Айняри. Он с детства настолько усвоил обычаи, образ жизни, язык эвенов, что они считают его своим и даже имя дали эвенское – Айняри (добрый молодец). По-якутски – эр бэрдэ. Управляющий отделением Айняри встречает упорное сопротивление многим своим начинаниям: стал было держать у поселка оленьё стадо, чтобы выполнять мелкие транспортные работы и, главное, чтобы дети поселка сызмальства видели оленей, привыкали к ним. Нет, запретили. Глубоко уважая традиции эвенов, управляющий разрешил жить летом в стадах семьям пастухов. Дирекция, главный зоотехник Никодимов, мотивируя нехваткой ездовых оленей, хотят запретить и это, даже публикуют статью в районной газете. То, что эвенам привычно такое кочевание, что это их образ жизни, они никак не могут понять. Айняри со свойственной северянам прямоотой резко отказывается подчиняться – всему должен быть предел. Если руководство совхоза возмущено тем, что в стаде живут даже с грудными детьми, то Айняри это радует – пастух с семьёй работает лучше, чувствует себя комфортнее, да и получает возможность вести свое, частное, хозяйство. А дети, выросшие в суровой романтике кочевой жизни, на всю жизнь остаются верными продолжателями дел отцов и матерей.

Эти и другие проблемы Айняри честно поднимает при беседе с секретарем обкома Балановым и на вопрос: “Как же их решить?” – отвечает: “Если дадите нам возможность строить свою жизнь так, как мы хотим, может, и решим. Во всяком случае, будем жить лучше, чем сейчас”.

Можно без всякого преувеличения сказать, что в этом ответе аккумулирована вся суть современных требований малочисленных народов Севера ко всем властям, желание северян обрести свой подлинный, соответствующий природно-климатическим условиям образ жизни.

И действительно, бургавлинцы начинают жить лучше, получив возможность решать свои дела самим. Айняри добивается многого: прииск “Виктория” дает солярку и горючее тоннами, выделяет технику в обмен на строительный материал. По сравнению с тем, что было (единственный трактор на весь поселок, доставка нескольких бочек горючего в день самолетами), это становится базой для дальнейшего развития: начинают строить сами жилые дома, обретают уверенность в будущей жизни. Как видим, Андрей Кривошопкин и здесь предвосхитил события нынешних дней.

Если даже коренной оленевод Айняри тонко учуял ситуацию и, как говорит директор прииска Попов, стал “коммерсантом (читай: бизнесменом. – Н.Т.) дикой тайги”, значит, эвенам, чтобы выжить, нельзя чураться и этого дела. Сам Айняри обретенную свободу действий образно выражает так: “Я похож на человека, припавшего к живительному, прохладному источнику после многодневной изнуряющей жажды”.

В романе автор не обходит и теневых сторон новой жизни. Айняри, побывав на совещании оленеводов в Магадане, узнал, что на Чукотке лицензию на право промысловой добычи красной рыбы и моржа приобрели бойкие кооператоры, оставив ни с чем местных жителей. И когда к нему такие же дельцы обратились с предложением создать кооператив по охоте на диких оленей, он категорически отказывает. Айняри, старик Этикэн и другие с самого начала с сомнением отнеслись к заготовке пантов, продаваемых за валюту. По опыту они знали, что срезка пантов у самцов снижает их способность давать сильное потомство, да и сами они слабеют. В Бургавли не бросились зарабатывать валюту на пантах, и это оказалось, хоть не порывочному, но дальновидным поступком. Айняри хочет, чтобы все прониклось духом хозяйского, бережного отношения к любому делу. Увидев как строители разбрасывают материалы, он для наглядности смысла их поступка оставляет деньги на рабочих местах. Когда же пораженные увиденным рабочие прибегают к нему, он все им разъясняет. Здесь виден весь Айняри, живущий ради людей, работающий от всей души для их блага. А когда есть материальная база, можно подумать и о душе: в Бургавли впервые открывается средняя школа, ведутся разговоры о расширении преподавания эвенского языка, начинаются работы по возрождению национальной самобытной одежды эвенов.

Так вроде бы третья тропа выживания приводит эвенов Бургали к более благополучной жизни. Но историческая правда не позволила автору закончить роман счастливым концом. Ему ли не знать, что экономическое и политическое положение его народа в содружестве народов России и Республики Саха (Якутия) устойчивости еще не приобрело. Много сделано в области культуры и науки, есть первые успехи, но пресловутая материальная база держит, сковывает большинство добрых начинаний. В этом ряду один из актуальнейших вопросов – продолжающееся сокращение оленьих пастбищ, охотничьих угодий под прессом активно вторгающейся на Север промышленности. Еще Николай Якутский в повести “Золотой ручей” в конце сороковых годов поднял в якутской литературе эту проблему. Особенно она звучала сейчас, с возвращением родовым общинам их исконных земель. Правда, когда писал А. Кривошапкин, этот вопрос только-только намечался. Но он, человек, остро чувствующий нерв времени, как никто другой резко поставил эту проблему в романе “Золотой олень”. Вначале разрушения, нанесенные взрывами горняков в благодатной ягельной долине Айча, передаются через восприятия вожака стада белоснежного бура Гелтаня: увидев обезображенные родные места, олень вначале не узнал Айчу, а взглядевшись... заплакал: “Может, плачет впервые за всю свою оленью жизнь... Из-за бессилия. Из-за горя, огорчения. Какой мощный ураган перевернул все верх дном здесь?! Где сопки, сплошь покрытые белым ягелем? Что случилось с долиной, покрытой ковром зеленых трав и нежных, ярких цветов?” И вожак стада под гул новых взрывов поворачивает мечущееся от страха стадо обратно, подальше от смерти: “Теперь нет долины, воспетой в старых преданиях. Мать земля умерла”.

Автор завершает роман страстным публицистическим обращением к человечеству: “Если вы люди, верните, умоляем, наши земли, наших золотых оленей... Только благодаря им мы живы... Преклоняя колени, прошу-молю вас: не променяйте наши судьбы на золото, алмазы и на всякое железо. Дайте нам еще шанс выжить, может эта наша последняя надежда выжить”. Хотя далее идет эпически спокойное описание пути кочующего стада-аргиша, вновь возникает нота неуверенности в будущем. Последняя строка: “Оо, как же ты усложнилась наша жизнь, стала неразгаданной загадкой на этой многогрешной-многострадальной матери-земле?” – звучит, как написанная сегодня. А под ними стоит дата: “Якутск – Переделкино. 1986-1989 гг.” Тогда все еще было впереди. Но чуткое сердце писателя издалека почуяло грядущие беды.

* * *

Я держу в руках недавно изданную публицистическую книгу Андрея Кривошапкина с выразительным названием “Расправа”, изданную в Москве малым предприятием “Палея” по лицензии Министерства информации Российской Федерации в разгар первого тура предвыборной борьбы кандидатов на пост Президента России. В ней он рассказывает всю правду о расстреле Белого Дома с находившимися в нем депутатами Верховного Совета РСФСР, среди которых до последней минуты был он сам. Я не буду разбирать содержание этой книги – это предмет отдельного разговора. Но хотел бы высказать свое мнение по двум вопросам.

Первое, поскольку я знаю автора давно, слежу за его политической, общественной и творческой деятельностью, я верю каждой строке этой книги. Андрей Васильевич по характеру, по чисто человеческим качествам не такой человек, чтобы даже при всем неприятии ельцинского режима мог пойти на ложь и подтасовку фактов.

Второе, он не принял руководства России, лично Ельцина не только потому, что сам вырос и воспитан в советское время, работал в руководящих партийных и советских органах. Наоборот, он достаточно критически относится к этому периоду жизни страны и республики, но не допускает огульного охаивания прошлого, как это делают некоторые. В стиле руководства Ельцина и в его политике разочаровался в основном потому, что решение национального вопроса стало безрезультатным. Будучи президентом Ассоциации малочисленных народов Республики Саха (Якутия), общаясь с самыми высокими представителями руководства России, он на себе испытал тягостно-горькое чувство бессилия перед ними, поскольку ни в одном из поднимаемых вопросов подлинной поддержки не получил.

Не менее интересна независимостью позиции, смелостью и вторая его книга: "Дмитрий Пухов и его время" (1996). В ней документально, на конкретных фактах показано, как события августа 1991 года отразились в Республике Саха. Тогдашнее руководство, пользуясь случаем, к ГКЧП-истам отнесло отдельных, неудобных для него людей и постаралось от них избавиться. Так, например, поступили с Дмитрием Пуховым, известным журналистом, занимавшим в то время пост председателя Государственного комитета по радио и телевидению. Чувствуется, что автора до глубины души задела эта несправедливость и смолчать он не смог. Но он сохраняет веру в будущее и книгу завершает словами: "Грядет Время света и добра, Время братской дружбы людей разных национальностей и подлинного расцвета Родины".

Как видим, основная проблематика творчества Андрея Кривошапкина является как бы продолжением, только в ином, художественном, плане его общественной деятельности. И это он делает очень убедительно, так как все проблемы оживают в судьбах конкретных героев произведений, в человеческих характерах. А характеры своих соплеменников, их дела и заботы Андрей Васильевич знает досконально.

Таков уж характер и самого писателя – единство слова и дела, целостность концепции возрождения родного эвенского народа. Ради этого он и живет.

Глава III. ЭВЕНСКОЕ ВИДЕНИЕ МИРА

Такую главу, по логике вещей, должен был бы писать человек, знающий эвенский язык, так как только знание языка оригинала может помочь понять во всей глубине особенности национального видения мира.

Здесь прежде всего необходимо пояснить, что имеется в виду под этим термином. В литературоведении давно существует термин “национальные образы мира”¹. И ученые, и исследователи показывают, как в искусстве, литературе разных наций по-разному изображаются, скажем, конь, овца, солнце, деревья, цветы, какой разный смысл они вкладывают в понимание категорий времени, пространства, вселенной и т.д. Если сложить все национальные образы того или иного народа в определенную систему, мы получим представление о национальном видении мира. А это доступно, во всяком случае, для постижения основных черт творчества, и иноязычному читателю по переводам. Только из этих соображений я дерзнул написать эту главу.

Сам же Андрей Кривошапкин на мои подковыристые подшучивания: “Какой же ты сейчас эвен? Ты уже можешь считать себя москвичом”, — неизменно совершенно серьезно отвечает: “Я — эвен. Я все вижу глазами эвена”. Конечно, национальное самосознание играет одну из главных ролей в национальном видении мира. Тем более, что признания типа “Я — эвен”, “Я — саха”, “Я — русский”, “Я — эвенк” и т.п. встречаются довольно часто в произведениях многих поэтов и писателей. Есть такое стихотворение и у Кривошапкина.

Я — эвен

Я — эвен, и тем горжусь.
Языком своим горжусь,
Все заветные слова
В нем с волнением нахожу.
Он сумел в себя впитать
Глубину и широту,
Все, что мне пропела мать,
Ее душу и мечту.
Веру в будущность свою,
В возрождение свое...
Пусть не все я допою,
Сердце вдруг замрет мое,
Но останутся всем нам —
В мыслях, чувствах и строке —
Мной рожденные слова
На эвенском языке.

Одним из главных своих отличий как звена писатель считает родной язык. В этом глубокий смысл, хотя звучит как повторение общепринятой истины – без языка нет нации. Обычно о человеке, не владеющем языком своей национальности, говорят как о неполноправном представителе, несмотря на то, что он без всякого сомнения относит себя к той или иной нации. Здесь мы имеем дело с чувством национального самосознания – каждый человек имеет право на это. Когда же речь идет о национальном характере, национальном видении мира, то берут порой какой-нибудь один из его элементов и начинают абсолютизировать. Например, у народа саха есть культ коня, его обожествление, очеловеченное отношение к нему, использование его описания в образно-выразительных средствах поэзии и т.д. Тут законно возникает вопрос: “А казахи? А киргизы? А монголы? А народы Кавказа? Разве они меньше любят коней?”. Этот перечень можно продолжить. То же самое с оленем. Если взять за основу своеобразия эвенов их отношение к оленю, сразу же посыплются аналогичные вопросы: “А эвенки? А юкагиры? А чукчи? Разве они не любят оленей?”. Очевидно, речь должна идти о сочетании разных характеристик национального понимания мира, вселенной, о комплексе признаков того или иного народа. И Андрей Кривошапкиным главным из них считает язык. Это общепринятое мнение, оказывается, рождено более глубокими причинами.

В 1996 году в газете “Кыым” была откуда-то перепечатана (источник не был указан) статья Геварда Бравина “Родной язык и мозг. Интересное открытие японского экспериментатора”². В ней изложена суть концепции профессора Таданобу Цунода о связях владения родной речью и восприятием окружающего мира. Она состоит в том, что профессор экспериментально определял реакцию на одни и те же слуховые стимулы японцев и неапонцев. У японцев гласные звуки родной речи, смех, плач, жужжание насекомых и другие естественные источники звуков вызывали доминантность левого полушария, а у представителей других народов – англичан, французов, испанцев и т.д., наоборот, – правого. Они были схожи при восприятии речевых сигналов – доминантность левого полушария оставалось общей. Для подтверждения своей теории профессор Цунода проверил людей разных национальностей, для которых до девяти лет японский язык был родным, но позднее они стали говорить на другом языке. Их реакция была такой же, как и у японцев, хотя они считали себя принадлежащими другой национальности. Ученый пришел к следующему выводу: “Я считаю, что родной язык дифференцирует прием, освоение, ощущение и понимание человеком звуков, поступающих из окружающей Среды. Родной язык тесно связан с развитием эмоционального механизма в мозгу. Я полагаю, что приобретаемый в детстве родной язык тесно связан с формированием уникальной культуры и психического склада каждой этнической группы”³ (подчеркнуто нами. – Н.Т.).

Здесь уместно еще раз напомнить один из постоянных мотивов в произведениях Андрея Кривошапкина — олени, привыкшие к эвенской речи, пугаются человека, говорящего на другом языке. Вспомните, как мудрый Этикэн объяснил Кирилке, забывшему родной язык, почему друг детства Гелтаня, белоснежный красавец олень, не признает его: Кирилка перестал с ним общаться на эвенском языке. Или перечитайте эвенский миф о братьях эвенах, впервые приручившие диких оленей и как те от страха убежали при звуках незнакомой речи — одульской. Я не психолог, тем более не экспериментатор-физиолог, однако в утверждениях эвена-писателя и японского профессора нахожу общее — овладение родным языком в детстве определяет национальное своеобразие видения мира. В данном случае — эвенского. Андрей Кривошапкин “выкупан” в купели родного эвенского языка. И теперь, независимо от его личной воли, он владелец “уникальной культуры и психического склада”, о которых пишет профессор Цунода, впрочем, как и все его соплеменники, овладевшие эвенским языком в детстве. Таковыми людьми являются все представители любой национальности, знающие родной язык, как говорится, с колыбели. Для них песни родного народа будут милее и роднее, чем самое мастерское исполнение любой арии какого-нибудь певца из оперной классики. И это несмотря на то, что песни некоторых народов Севера, таких, как саха, имеют меньшее разнообразие, интервал редко доходит до кварты или квинты (разница 4—5 тона), и кажутся европейцам монотонными и даже заунывными.

Кроме того, в любом языке веками накапливается своя система образных выражений, сравнений, приемов очеловеченного изображения, подсказанная жизненным опытом и средой обитания. Но она у разных писателей, если они мастера своего дела, имеет присущие только ей отличия.

Например, творчество поэта Николая Тарабукина отличается самобытными образами, солнечным, светлым видением мира. Когда был маленьким, пишет он, сидел в люльке в гнилушках, как жук древоточильщик, был голым, как червячок, ползать начал, как паучок, и когда научился говорить:

Я птичек полюбил,
У птичек взял себе я песни,
Теперь есть песни у меня

(“Когда я был маленьким”, пер. В. Цинциус)

Тьма для него символ зла, а свет, солнце — символ новой счастливой жизни. Развивая дальше эти образы в систему, Н. Тарабукин приветствует красную тучу, изгнавшую, “словно воронье”, кулаков, и расцвет земли: под теплом и светом, где раньше было пусто, вырос лес, зазеленела трава (“Ленина закон пришел”). Для передачи своей новой позиции, любви к новой жизни он пользуется образом охотника:

белые ночи “нежны как костный мозг”, лирический герой хочет “свить маут из солнечных лучей”, чтобы смогла заарканить его понравившаяся ему девушка. В то же время В. Лебедев часто прибегает к характерным для современной якутской и русской поэзии метафоричности. В его поэтическом восприятии дни и годы летят над ним и в шелесте их крыльев он слышит песню гор, лесов. Поэт пролетает над родными горами и видит:

Внизу горы Яны,
Сгорбась, бегут,
Нося на плечах
Мои детские годы.

В. Лебедев в стихотворении “Радуга из бисера” гордится тем, что искусство его народа соединяется с радугой искусства мира. И это, безусловно, так. В литературах народов России, да и всего мира, отчетливо слышна мелодия поэзии эвенского народа, представленная хотя и немногочисленными, но яркими талантами. Стихотворения и поэмы В. Лебедева занимают значительное место.

Одно время с ним жил и творил аксакал эвенской литературы Платон Афанасьевич Степанов-Ламутский, подхвативший эстафету из рук самого Николая Тарабукина. Он автор нескольких поэтических сборников, в том числе и для детей, но вершиной его творчества стал роман “Дух земли” (1987) – подлинная энциклопедия дореволюционной жизни эвенов. Автор отразил своеобразное видение мира прожившего в труднейших условиях северной тайги кочевого эвена. Лирический герой поэзии П. Ламутского, как и его сородичи, основным достоинством мужчины считает умение метко бросать маут, быстро и споро собрать в кучу разбежавшееся оленьё стадо, удачливость в охоте. В то же время как эвен, на собственной судьбе почувствовавший великое благо, принесенное малочисленным народам Севера советской властью, он искренне, от всей души воспекает Ленина, его учение, партию. Поэт интернационален. В романе же с глубоким знанием обычаев, верований, уклада жизни эвенов конца XIX – начала XX века он создал колоритные, самобытные, национальные характеры Маркани, Этэйлэ, Тинькани и многих других. Ламутский художественно убедительно рисует начало приобщения эвенов к другой культуре, общечеловеческий прогресс захватывает и их жизнь. Будущая судьба их лишь угадывается.

Платон Ламутский национальное, эвенское видение мира воссоздает не только этнографически точным воспроизведением образа жизни своего народа, но и склада мыслей, поведения, иерархии взаимоотношений в семье, в роде. Его поэзия искрится мягким, добрым юмором, легким подтруниванием над героями. Все это в какой-то мере перенял и Андрей Кривошапкин. Но, думается, что влияние на него старшего товарища, учителя подкреплялось и в процессе частых общений с ним. По общему признанию, Ламутский был превосходным рассказчиком. Часто они касались проблем

выживания эвенков, воспитания нового поколения. Так буквально из уст в уста передавалась своеобразное ощущение, видение мира между двумя выдающимися представителями эвенковской литературы.

К сожалению, в переводах стихотворений А. Кривошапкина такое своеобразие чувствуется меньше. Как уже сказано выше, раскрыть это в полной мере под силу только эвенковязычному исследователю. Тем не менее “эвенковский дух”, эвенковское видение мира, безусловно, ощущается отчетливо. Его переводчик, к слову сказать, писатель очень высокой культуры, В. Федоров на мой прямой вопрос: “Чувствовали ли вы, когда переводили, что автор эвенков?” – ответил однозначно, как давно вызревшее мнение: “Да”. Потом, внимательно читая сборник переводов поэтических произведений Андрея Васильевича, я убедился в его правоте. Это видно не только из выше приведенного стихотворения “Я – эвенков”, но и в четко улавливаемом чувстве национального самосознания, выраженного в произведениях на совершенно разные темы.

Разве не перекликаются с последними строками романа “Золотой олень” эти слова?

Не алмазным блеском ослепленный,
А от горя потерявший след,
Бродит мой сородич потрясенный,
Как изгой на собственной земле.

Стойте, о великие народы!
Где ваши великие умы?
Дух земли, что будет через годы?
Что оставим детям мы?

Эвенковским видением мира пронизаны произведения, посвященные родным местам автора, подсказанные пережитыми им лично моментами биографии (“Земля предков”, “Илуму”, “Здравствуй, мама!” и др.). Переводчику удалось передать и общий дух образной системы поэта. Например, когда встречаешь сравнения: “и машины, как олени мчат”, “здания темнеют как гольцы, где мои гуляют уямканы”, “вы бьетесь, словно вы самцы олени”, “ведь волны без рогов – не ухватиться”, “как лучшая музыка гор”, “плещет тундры доброта” и т.д., я как читатель сразу ощущаю, что этот поэт из другого племени. Во всяком случае, такой системности образов, связанных с темами “олень”, “горы”, “тундра”, в якутской поэзии нет, есть лишь отдельные обращения. А как самокритичен и в то же время предан своему народу писатель в стихотворении “Эвенки”. Вначале он как бы смотрит со стороны, об эвенках говорят порой нелестно, “недалек умом и темен духом”, “нелюдим и замкнут постоянно”. Автор не отрицает, возможно, бывает и такое, но говорить так о народе, по его справедливому мнению, “просто грех великий”. И с этим не согласиться нельзя. Он не боится привести весьма распространенное, например, у саха, мнение о том, что эвенки вспыльчивы, в какой-то мере обидчивы. При этом дает очень убедительное объяснение:

И гнев его, скорей, похож на пламя,
Что вспыхнуло и тут же угасает.
Зато эвен в любом пути надежен,
Погибнет сам, но не предаст другого.

Если понятие “путь” расширить как путь в науку, медицину, технические знания, культуру, то лучше об эвенах не скажешь. Национальный характер эвена сохраняется в какой бы отрасли народного хозяйства он не работал. Поэтому нельзя не принять пожелание поэта своему народу:

Пускай же мой певучий древний говор
Сливается с другими языками,
Пускай живут эвены, не скудея,
И звон рогов оленьих умножают.

Последняя строка говорит о многом. Эвен, давно живущий вдалеке от родных мест, даже в Москве, в своем национальном видении мира будущее родного народа все равно связывает с оленеводством.

В данном случае, думается, проявляется другая грань видения окружающей действительности глазами эвена. Как верно заметила В. Окороква, в творчестве Андрея Кривошапкина мир человека и мир оленя существует параллельно, рядом⁶. По ее мнению, писатель создал своеобразный эпос об олене. Этот эпос можно было бы начинать с мифа о приручении диких оленей эвеном, включенным в роман “Берег судьбы”.

Один из главных героев романа — бедный эвен Нэгэ в один из голодных вечеров поведал сыновьям историю о том, как человек помог олененку Окэтэчэн, сыночку вожака стада диких оленей Гелтаня, белоснежного красавца. Ни месяц, ни гора, ни лиса — никто не могли сказать ему, куда исчез его сынок. Лишь волк под страхом смерти подсказал, что олененка Окэтэчэн спас от его зубов двуногое существо по имени Человек. Гелтаня пришел к Человеку и в благодарность за спасение сына стал служить ему, дружить с ним вместе с подругой. Так появилось прирученное добротой эвена оленьё стадо.

Словно осовременив этот миф, А. Кривошапкин создал цикл рассказов “Мой олененок”, куда он включил и рассказ “Олененок Тоосапачан”⁷. В нем он демонстрирует постепенное приручение уже не дикого оленя, а сына важеньки Бугдынжа по имени Тоосапачан.

Сначала олененок, как и его дикие предки из мифа, хочет быть сам по себе. Он не верит, что пастух Тумээ добрый, так как он собирается ездить на нем, когда он подрастет, приучить возить тяжести. Но после того, как Тумээ спас его от собак, орла, волка, вытащил из стремительного потока реки, Тоосапачан решает: “Нет, без человека мне никак нельзя. Он и правда самый большой друг”, — думал Тоосапачан, с трудом переставляя еще дрожащие ножки.

Тоосапачан медленно пошел навстречу Тумээ.

До сих пор статный олень Тоосапачан дружит с добрым оленеводом Тумээ. Многие завидуют их дружбе”.

Ну чем не современный миф? Дело еще и в том, что Андрей Кривошапкин настолько естественно передает переживания олененка, как бы глядя на мир его глазами, что ни на минуту не сомневаешься в правдивости этих строк. Потом мы встретим на страницах романа “Золотой олень” настоящего вожака совхозного стада, всеми любимого белоснежного оленя по имени Гелтаня. Чувствуется, что и сам автор открыто любит его. Он по воле авторского воображения тоже очеловечен. Писатель передает его размышления, переживания не только из-за разрушенных, оскверненных взрывами пастбищ, но даже описывает, как Гелтаня совершает осмысленный подвиг, спасая оленей, — уводит волков за собой, хотя ясно понимает, что может и погибнуть.

Автор пишет: “В голове оленя замелькали мысли: “Скоро озарится утренний рассвет, тогда придут на помощь люди, мой друг Оран придет”. И Гелтаня решает, если волки догонят, принять неравный бой, отбиваясь рогами и копытами. А Оран, увидевший по следам, как волки погнались за вожаком стада с волнением думает: “Где же ты, мой верный друг Гелтаня?”. И странно, что такое изображение взаимоотношений оленя, бессловесного животного и человека — пастуха в общей ткани реалистического повествования о быте и жизни современных эвенков воспринимается совершенно естественно. Это, видимо, происходит потому, что такой художественный прием помогает читателю глубже понять самую суть содержания произведения.

Следует заметить, что этот один из распространенных в мировой литературе способов отражения проблем человеческой жизни через восприятие мира животных довольно часто применяет и Андрей Кривошапкин. Он легко, без всяких искусственных натяжек, “перевосплощается” и в Однорогого уямкана (“Уямканы идут на север”), и в охотничью собаку Кэрэмэс (“Берег судьбы”). Умная охотничья собака, бегая между деревьями по тайге, фиксирует все, что унюхала, увидела: “Здесь недавно перекочевали люди. Стойбище, должно быть, где-то недалеко. Этих людей она не знает. Что-то хозяина долго нет, видать, далеко отстал”. А “воплощаясь” в самку — однорогого Уямкана, автор от ее имени пересказывает воспоминания: какой была в молодости, как лишилась одного рога, куда теперь путь держит...

Своеобразное художественное видение, мышление писателя, несомненно, обусловлено его жизнью в тайге, в стадах, вместе со своими соплеменниками эвенками и их генетической памятью. “Вживаясь” в разных зверей, Андрей Кривошапкин художественно использовал не только личный опыт таежника, но и знания своего народа о нравах, повадках этих зверей.

Любовь молодых эвенов-пастухов к оленям, преданность делу предков особенно ярко и правдиво показаны автором при описании снежного обвала в горах, когда погибла часть стада. Самоотверженная работа по спасению заваленных снегом, задыхающихся оленей говорит сама за себя. Но автор приводит еще и уникальный случай, когда Оран, Сергей и Дима при помощи связанных маутов спускают на землю чудом оставшуюся в живых, застрявшую на маленьком выступе горы олениху. Причем вначале им пришлось спустить к ней на мауте Орана, чтобы тот, накинув другой маут на животное, медленно опустил его вниз. Принимавший участие во всей этой операции директор школы Лебедев, русский из Ленинграда, понимает, что стал свидетелем необычайного случая и, может быть, впервые почувствовал искреннюю любовь и уважение к этим людям: “Ему подумалось, что эти люди достойные, надежные. Они никогда, ни при каких обстоятельствах не подведут”. Такая оценка из уст представителя другого народа звучит убедительно и искренне.

Пользуясь таким же приемом в форме ознакомления Лебедева с незнакомой ему отраслью, писатель устами пастуха Сергея создает настоящий гимн оленю. Молодой пастух так искренне и с такой любовью рассказывает о пользе оленя, что слушатель невольно восклицает: “Да вы, Сережа, совсем как поэт говорите”. Здесь уместно вспомнить, что гимны животным слагали многие народы мира. Так, киргизы сложили гимн овце: “Не пропадешь нигде с овцой: Не замерзнешь в мороз зимой. В юрте покрытой кошмой, Или в пути под пургой. Не пропадешь нигде с овцой. Голоден будешь, овцу зарежь...”⁸. То же самое говорит об олене эвен Андрей Кривошапкин, хотя его личная жизнь напрямую от оленя давно уже не зависит. А говорит так, думает так он потому, что мир видит глазами эвена. Его герой Айняри не соглашается с секретарем райкома Силиным, когда тот говорит: “Вот сейчас наши олени стали золотыми оленями”, – подразумеваемая дополнительный доход от продажи пантов за валюту. Он спокойно возражает: “Для оленевода что горные камни, что разбросанные самородки золота, все едино... Настоящее золото для него – олень. Золотой олень, ибо северянам жизнь, достаток, счастье дает только он”. И мы чувствуем, что устами Айняри свою позицию отстаивает и сам автор.

Национальное своеобразие повествованию Андрея Кривошапкина придают эвенские сказки, предания, мифы, умело включенные в его романы. Так Оран, находясь в палатке Келтекина, оказывая ему помощь, вспоминает сказку, которую в детстве слышал от бабушки. Если на севере бытует поверье, что северное сияние – это великое множество костров, зажженных юкагирами, то эвены в нем видят отсвет следа и тень сказочного белоснежного оленя Гелтаня. Его, как описывается в сказке, хотел отобрать силой у бедных охотников богач Бэлгур. Но когда он попытался заарканить оленя, Гелтаня взлетел в небо, оставив след в виде полярного сияния, а жадный богач превратился в камень. Здесь не только мифологическое объяснение явлений природы, но и образно переданный моральный кодекс эвенов – не будь жадным, не обижай других.

У эвенов много сказок, схожих по сюжету со сказками других народов. Например, сказка о находчивом и хитром Чургевчане. Она напоминает и русские, и якутские сказки о человеке, который благодаря своей находчивости и хитрости добивается сытой, богатой жизни. У народа саха есть подобные сказки: “Шут-плут в сером зипуне”, “Даба Холуусут”, “Иван Дуров”⁹. Другая сказка, пересказанная Байкуном во время охоты сыну Нэгэ Омчени, похожа на якутскую сказку “Хороший Едьюэн”¹⁰. Но лишь похожа. Это очень оригинальная, национально-самобытная сказка эвенов о своих предках. Так, у каждой из трех сестер лебедей, как и в народных эвенских песнях, есть своя песня-запев. Старшая поет: “Ээриньчу, ээринчу, Ээлундиной, ээлиндин!”, а младшая: “Гивлинчо, гивлинчо, гивлинчо-о”. Даже у птички эвенский запев: “Чипипи, чипипи”.

Сказки полны сцен волшебных превращений героев в разных зверей, птиц, и мир этот фактически един – в нем нет четкого разделения на людей и зверей. Так, видимо, он воспринимался всеми древними людьми, в том числе и предками эвенов. По содержанию сказки перекликаются с актуальными проблемами сегодняшних дней: отношение к оленю, знание родного языка, находчивость и мужество при любых сложных ситуациях. Свою сказку так и заканчивает Байкун: “Вот такими храбрыми, сильными были твои предки, Омчени”. В этом и суть творений народа, воспитывающих у современных эвенов чувство ответственности за свои корни, быть достойными продолжателями добрых традиций народа. Если такая идея в сказках и мифах преподносится иносказательно, в несуществующих в жизни фантастических образах и событиях, то предание о Дарпире и Даике, о главах двух могущественных родов ламутов в древние времена, воспринимается как живой пример отваги и мужества, благородства эвенов.

В один из зимних вечеров, при угасающем свете очага, Нэгэ рассказывает одно такое предание сыновьям. В одиноко стоящем среди безбрежного океана тайги и затерявшемся среди гор илumu звучат гордые слова о предках...

Дарпир был силен и могуч, расставленные им глыбы утесов среди полей стоят, говорят, до сих пор. И Даик был силен и быстроног, играючи догонял и убивал диких оленей, обеспечивая едой всех людей стойбища. Среди эвенов их имена были у всех на устах. И решили они, как и все богатыри, померяться силой: каждый без оружия должен был убить медведя. Предание гласит, что Дарпир, мгновенно повернув в пасти разъяренного зверя твердый сук, резким броском переломил ему хребет. А Даик, разбудив медведя, пустился наутек. Но, выбрав момент, богатырь обернулся и молниеносно вспарол живот прыгнувшему на него хищнику. Дарпир, наблюдавший эту схватку, со стыда плюнул. Ему показалось, что его соперник постыдно уронил честь главы рода. Он не обрадовался, что ему, как оговорено,

достанется половина стада Даика и все его соплеменники перейдут к нему. Но, увидев результат, помирились, обменялись гидами (копьями) и двадцатью отборными оленями. Оба оказались достойными людьми, не уронили, не осрамили человеческого достоинства, чести своих родов.

Нэгэ подробно описывает, как раньше встречались вожди племен: сошлись они среди поля (в лесу возможны разные подвохи. — Автор), молча сели, скрестив ноги, испытующе глядя друг на друга, одновременно зажгли трубки, покурили и обменялись ими (как и у многих народов — знак мира. — Автор). Лишь после этого начали разговор.

Рассказывая предания, Нэгэ в своих маленьких еще сыновьях пробуждает чувство гордости, что они тоже представители такого независимого народа.

К использованию произведений устного народного творчества эвенков Кривошапкин стал прибегать лишь при создании больших жанров прозы. И это воспринимается читателем очень хорошо. Старик Этикэн, носитель традиций и обычаев древних эвенков в наше время, и Нэгэ, один из многочисленных глав семей эвенков в прошлом, осуществляют свою функцию в сложной иерархии взаимоотношений эвенского племени.

Многие из этих сказок, преданий автор слышал в детстве от старших, а впоследствии изучил в научных трудах своих коллег. Произведения эти им художественно обработаны и играют большую роль в раскрытии характера героев романа и в получении общего представления о духовной культуре эвенков.

И, наконец, в художественной системе эвенского видения мира Андрея Кривошапкина одно из главных звеньев составляет его понимание национального характера соплеменников и осмысление исторических судеб своего народа.

Я уже частично касался этой темы, говоря о других произведениях автора. Так, писатель, наделяя теми или иными чертами персонажей, дает понять читателю, что он не любит и что ему не нравится в характерах со-родичей.

Он с болью в сердце, но с чувством жалости и сочувствия пишет об алкоголизме среди эвенской молодежи. У него нет детального описания пьяных оргий, даже о Степане (“Олени моего детства”), опустившемся от оленевода до чернорабочего, говорит намеками. Любит выпивать отрицательный герой Хадар Болгитин из этой же повести. Но когда в романе “Берег судьбы” автор переходит к описанию быта богачей, бандитов, то он без всякой жалости, с брезгливостью создает сцены спаивания рядовых членов рода, будь то эвен или человек другой национальности. Как правило, пьют горькую нелюбимые им герои.

До чего доводит человека пьянство автор показывает в эпизоде встречи алкоголика-драчуна Паваланджи с Геной Умтичаном в магазине ("Олени моего детства"). Беспробудный пьяница поселка, не раз избивавший односельчан, однако получает отпор и с позором убегает. Рассказ о его жизни — типичное явление в судьбе таких лиц: приставая к редко приезжающим домой оленеводам, месяцами пьянствует за чужой счет, иногда обкрадывает своих собутыльников, порою избивая беспомощных. Изредка навещая дом, даже не обращает внимание на истомившуюся без мужа жену, днями и ночами отсыпаясь на мягкой постели. Единственный, кто может ему противостоять — Гена, любящий свою семью, всегда трезвый.

По мнению автора, плохие и хорошие эвены также различаются по своему отношению к женщине, к вопросам любви.

Повесть "Олени моего детства" начинается с утренних впечатлений Архипа Степановича Юрюкчэнова, к которому приехала жена после месячного отдыха в Цхалтубе: "Не смотрите, что у него в волосах седина пробивается, старик после месячного воздержания встретил жену со страстью молодого парня... Зато утром проснулся в сладкой истоме, как человек, утоливший свою жажду ожидания". Даже такой невинный намек по сравнению с тем, что пишут сейчас о сексе, некоторые якутские и другие писатели, является, как раскрывается дальше, одной из примет плохого человека. Мы узнаем, что Юрюкчэнов ради карьеры готов выполнить план любой ценой и надеется на соответствующее награждение. Не случайно Хадар Болгитин выведен любовником подчиненной ему работницы, жены пастуха Кеши. Таким же аморальным обрисован Байдычан ("Берег моей судьбы"), который совращает дочь своего сородича — богача Нээдэми, а затем просит выдать ее замуж за своего работника Байкун. Это является дополнительной отрицательной характеристикой образа врага советской власти.

Другие герои очень целомудренно относятся к вопросам любви. Это в основном те, которые трактуются автором как примеры для подражания. Таков Айняри, имеющий уже взрослых детей; на него похож Гена Умтичан, умеющий успокаивать рассерженную от беспричинной ревности красавицу-жену Клаву. В остальные же дни в доме царят любовь и мир. С нежностью относится к своей жене Иде другой положительный герой из повести "Уямканы идут на Север" — Аркадий Кириллов. Их объединяет не только дом, но и общие интересы. Ида, будучи преподавателем биологии, увлеклась судьбой уямканов и этим заразила мужа. Поэтому даже во время минутной размолвки за столом не перестают переживать друг за друга.

Интересно, что Андрей Кривошапкин всегда воздерживается даже от малейшего описания любовных сцен между своими любимыми героями. Зато со всеми подробностями передает секс между Байдычаном и дочерью Нээдэми. В этом сказывается определенная авторская позиция. А какая чистая любовь у Нямгита и Кати! Нэмгит, работая в бригаде Орана, целых три года безответно любила его. Только чистая случайность, раскрыла ему

глаза на незамеченную им раньше красоту девушки, когда Оран нечаянно увидел купающуюся нагую Нямгит. Так возникает счастливая семья современных эвенов. А у Кати с Сергеем пока еще все впереди, они ведут себя очень скромно. И как истинная эвенка Катя не может сама делать активных шагов навстречу своей судьбе. И это трогает.

В наши дни увеличение числа холостых пастухов стало одной из серьезнейших проблем. Вследствие цивилизации жизнь в поселках и городах стала намного привлекательнее, чем работа в оленьих стадах. И женщин, девушек, желающих работать там, стало меньше. Теперь молодые пастухи вынуждены проводить значительную часть времени без женского общения и окружения. Это не только лишает оленеводство будущих работников, но и накладывает определенный отпечаток на характер и поведение таких парней. Малочисленные народы Севера, в том числе и эвены, ищут выход из создавшегося тупика. А это, без всякого преувеличения, – вопрос будущности целой этнической группы.

Читая страницы повестей и романов Андрея Кривошапкина, посвященные любви и интимной жизни героев, невольно вспоминаешь его поэтические строки:

Как светла, певуча и прозрачна
Горной речки свежая вода,
Так душа моих таежных предков
Чистой и простой была всегда.

(“Мои северяне”)

Лирика самого поэта тоже подобна этим строкам. Одним из программных произведений для него является стихотворение “Олень и женщина”, в котором лирический герой в оленьем стаде ищет белого оленя “невиданной небесной красоты”, но, старец, знающий толк в оленях говорит ему:

Пусть твой не ходит горделиво кругом,
И неказист как будто из себя,
Но будет он и спутником, и другом,
И в миг тревожный не предаст тебя.

Такова же и красота женщин, утверждает он:

Она в толпе звездой не искрится
И не глядит на встречных свысока,
И красота ее внутри таится
Цветком, не распустившимся пока.
Она и есть твоя земная сказка,
К которой столько лет стремился ты,
Живут в ней нежность, доброта и ласка,
И все твои заветные мечты.

Таковы критерии красоты северянина, в данном случае эвена-поэта. Женщина для него не источник эротических наслаждений и не предмет любования, как часто воспевают женщину поэты Востока, она — источник вдохновения творца:

Я становлюсь орлом могучим
От вдохновенных слов твоих,
Меня любовь несет под кручи
К вершинам синих гор моих.

(“Зарею юной осветила...”)

Хотя автор и признается, что любит “как предок мой, без слов”, все же ему удалось высказать неповторимые слова о любви:

Женщина — она прекрасна в детях,
В нежности жены и в доброте —
Главные достоинства на свете —
В этой самой высшей красоте.

(“В чем же красота ее таится...”)

Даже эти короткие отрывки прекрасно характеризуют их создателя, поэта-эвена.

Но самое полное выражение эвенского видения мира отражено в романе “Берег моей судьбы”. В созданных им образах Нэгэ, Тумээ, Тибы, Омчени он раскрыл самые лучшие черты своего народа: способность переносить любые тяготы жизни, чувство собственного достоинства, верность дружбе. Пожалуй, наиболее ярко изображен бедняк Нэгэ, работник богача Тимпоркита. Он знаток старинных преданий, сказок, удачливый охотник, любящий отец и муж. Но после несчастного случая в горах терпит острую нужду. Если бы не помощь сына Омчени и сородичей по племени, его семья давно бы умерла с голоду. Но, несмотря ни на что, он сохраняет чувство собственного достоинства, и никакие притеснения богача Нээдэми в сговоре с другими не могут заставить его выдать дочь Тати за нелюбимого ею сына Нээдэми, хотя эта женитьба принесла бы семье Нэгэ материальное благополучие. В этом единоборстве он выходит победителем благодаря наступлению новой власти и умению держать себя как равный с самыми сильными людьми рода. Приехав в стойбище Корпикая по его вызову, сразу не идет к нему, а заходит к знакомому поговорить, попить чаю с дороги. На повторный вызов хозяина отвечает: “Старику передай, что я пью чай. Вначале утолю жажду, пусть немного подождет”. Это было неслыханной дерзостью. А когда Нэгэ зашел в илumu Корпикая и с ним никто не начал разговор, он, выкурив трубку, собирается уходить. Только тогда хозяйева

удостаивают его своим вниманием. На приказ послать маленького сына пастухом к Нээдэми отвечает решительно: “Пока я жив, собственным сыном буду распоряжаться сам”. И медленно, не суетясь, выходит из илumu и направляется к нартам. Взбешенный дерзостью работника, которого считал до сего времени своей собственностью, Корпикай, хотел было его схватить, но под дулом винчестера Тумээ, друга Нэгэ, вынужден отпустить. Нэгэ также с достоинством, не спеша, отряхивает с одежды снег и уезжает к себе. Начавшаяся в центре революция и борьба за советскую власть доходит и до эвенгов, словно плугом разделяя их на два лагеря — угнетенных и угнетателей.

Сюжет романа искусно сплетен из реальных исторических событий (появление Алексея Семенова, его письмо к Горькому о судьбе эвенгов рода ламынха, об оказании помощи им, его встреча с Аммосовым, гибель отряда красных на Билире, посещение ламутов Михаилом Новгородовым и т.д.) и художественно выдуманных, созданных мастерством писателя. Некоторые исторические события А. Кривошапкин ранее использовал в детских рассказах (“Рассказы бабушки”), но здесь он их переработал и слил с судьбой героев романа. Произведение насыщено сведениями об обычаях ламутов: это обряд медвежьей охоты, камлание шамана, обработка оленьих продуктов, поверья, обряд при рождении ребенка, использование шкуры и костей убитого когда-то белого оленя как средство защиты от злых духов.

Подробный разбор художественных достоинств романа явился бы предметом специального исследования. Здесь же мы ограничиваемся общей оценкой места романа в творчестве писателя в целом. Но хотелось бы сделать одно существенное замечание. Дело в том, что при чтении в современных условиях роман местами производит впечатление излишне идеологизированного произведения. На наш взгляд, именно по этой причине почти все богачи ламуты и бандиты выведены как резко отрицательные персонажи. Автор порой невольно их окарикатуривает, и это не совсем верно. В среде богатых, зажиточных людей любого народа были и прогрессивные, добрые, умные хозяева, истинные заступники своих родовичей. Именно на них, например, в свое время возлагал надежды А.Е. Кулаковский. Такие же богачи и настоящие хозяева наверняка были и у ламутов. Но в силу требований своего времени автор в какой-то степени не преодолел этот барьер. То же самое произошло, видимо, в идейной трактовке образов бандитов, врагов советской власти. Например, Константина Гоголева, Тутууйа. С современной точки зрения, их высказывания и агитация несколько упрощены. Историческая же правда состоит в том, что выступления против советской власти, несмотря на свои негативные стороны, имели определенные причины, в том числе и справедливые. Так, в обращении тунгусской нации к братьям якутам от имени Главного Управления и Главного штаба

партизанских отрядов говорится об узурпации власти коммунистической партией, о том, что на стороне советов воюют и русские, окончательно потерявшие даже сознание национальной гордости и патриотического чувства к Родине, что не они приведут к спокойной жизни. Далее в обращении высказано отрицательное отношение и к иностранцам: "Ведь представьте себе, каждый из вас, насколько ужасно для истинного патриота-националиста якута и тунгуса быть в руках иностранцев и жить с их миллионными рабочими в перевероченной нашей дорогой родине и дышать насыщенной нефтью и пылью атмосферой". Завершается обращение призывом добиться "независимости нашей родины и наших национальностей"¹¹. Как видим, эти требования нельзя однозначно считать враждебными, в них звучит боль из-за несправедливости, проявленной к тунгусам новой властью.

Примечательно, что автор завершает роман уходом Байдычана и Уйбанджи из отряда Канина: "Рядом шли когда-то владевшие большой властью два ламута, по глупости пытавшиеся остановить наступление нового дня".

Такова судьба эвенского народа в сложнейших условиях начала двадцатого века, увиденная и художественно осмысленная эвенком-писателем.

* * *

В данной книге мы попытались в какой-то мере реконструировать по переводам на якутский и русский языки произведения Андрея Кривошапкина, представить себе систему элементов его национального видения. Насколько это удалось, судить не мне. Полную, самую достоверную картину его творчества может представить, повторяюсь еще раз, лишь эвеноязычный исследователь.

ДОРОГОЙ ПРАВДЫ (Вместо заключения)

В предлагаемом вниманию читателя исследовании я в меру своих сил рассказал кратко о жизни и творческом пути писателя-эвена Андрея Кривошапкина.

Путь этот был непрост. Начавшись с безоблачного, хотя и житейски трудного детства, восторженного юношеского восприятия мира, этот путь привел писателя к единственно верному заключению — всей своей жизнью, талантом служить родному народу, помочь ему найти способы выживания среди множества народов планеты. Серьезность и трудность этой задачи он осознавал во всей глубине. Впитав с молоком матери, с родным языком своеобразное, присущее только его народу, ему одному видение мира, он выражает все это в публицистических статьях, книгах, стихотворениях, рассказах, повестях, романах, старается воплотить в жизнь, выполняя общественно-политическую, государственную работу. Андрей Кривошапкин один из немногих эвенов, кто сохранил и продолжил ту хрупкую цепочку развития художественной литературы родной нации, которая представлена именами Николая Тарабукина, Платона Ламутского, Василия Лебедева. Его взгляд на историю эвенской литературы наиболее полно отражен в книге «Истоки и современность эвенской литературы»¹². По существу это первый набросок истории литературы эвенского народа, хотя в нее, по понятным причинам, автор не включил себя, несмотря на то, что является автором основных произведений современной литературы. Пусть наша книга заполнит этот пробел.

Андрей Васильевич сегодня находится в самой гуще общественной и политической жизни России и Якутии. Хотя его позиция не всегда получает поддержку официальных органов, он продолжает вести упорную борьбу за реализацию не только творческих планов, но и планов по спасению и оказанию помощи малочисленным народам всего Севера России. Андрей Кривошапкин очень терпелив по отношению к своим самым ярким оппонентам, потому что знает — он идет Дорогой Правды в двадцать первый век.

Использованная литература и примечания

I глава

- ¹ Кривошапкин А. Куруутун үтөбэ, дьолго тардыһыҥ // Хотугу сулус. — 1980. — № 11. — С. 112. Здесь и далее, где особо не оговорено, переводы с якутского сделаны нами — Автор.
- ² Кривошапкин А. Р.И. Шадрины кэриэстиибит // Быгантай уоттара. — 1993. — Бэс ыйын 23 к.
- ³ Там же. — Бэс ыйын 19 к.
- ⁴ Там же. — Бэс ыйын 30 к.
- ⁵ Кривошапкин А. О, мин эвен куттаах ырыаларым. — Дьокуускай: Сахаполиграфиздат, 1994. — С. 14.
- ⁶ Кривошапкин А. Боли и тревоги севера в сердце моем // Полярная звезда. — № 2. — С. 71.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Кривошапкин А. Россияба бүк эрэнэн // Чолбон. — № 4; № 5. — С. 109-161.
- ⁹ Там же. — С. 134.
- ¹⁰ Баланов И. Дьулуурдаах үлэһит, талааннаах суруйааччы, эрэллээх добор // Быгантай уоттара. — 1993. — Ахсынньы 22 к.
- ¹¹ Дневники этих дней А. Кривошапкин опубликовал в газете «Коммунист», в № 10, 11 за 1994 г.; № 1, 2, 4, 5, 6, 7 за 1995 г.
- ¹² Там же. — № 10.
- ¹³ Там же. — № 11.
- ¹⁴ Там же. — № 2.
- ¹⁵ Там же. — № 1.
- ¹⁶ Америкаҕа биир ый (Дневниккэ суруллубут сэхэн) // Чолбон. — № 8. — С. 88-143.
- ¹⁷ Подробнее об этом можно узнать из прилагаемой библиографии.

Глава II

- ¹ Кривошапкин А.В., Никитина Р.С. Хотугу норуоттар культуралара. — Дьокуускай: Бичик, 1993. — С. 9.
- ² Ламутский Платон. Сырдыкка айан. — Дьокуускай: Бичик, 1993. — С. 12.
- ³ Тарабукин Николай. Обо эрдэхтээбим. — Дьокуускай: Кинигэ издатта, 1980. Г. Васильев тылбааһа.
- ⁴ Там же. — С. 3-4.

- ⁵ Санги Владимир. Поиск тропы выживания // Андрей Кривошапкин. Көмүс таба. — Дьокуускай: Кинигэ издат-та, 1990. — С. 455.
- ⁶ Кривошапкин Андрей. Удьуор булчуттар сиэннэрэ. С. Никифоров тылб. — Дьокуускай: Кинигэ издат-та, 1977.
- ⁷ См. Улуро Адó. Юко кэпсээннэрэ. — Дьокуускай: Кинигэ издат-та, 1973; Николай Курилов. Туундараҕа олоробун. — Дьокуускай: Кинигэ издат-та, 1985; Он же. Помди. — Якутской: Кинигэ изд-та, 1989; Он же. Убайым «кулгааҕа». — Дьокуускай: Кинигэ издат-та, 1992; Он же. Туундараҕа ыгырабын. — Дьокуускай: “Бичик”, 1993 и др. Некоторые из них переведены на русский язык.

Глава III

- ¹ См.: Георгий Гачев. Национальные образы мира. — М.: Советский писатель, 1988.
- ² Кыым. — 1996. — Ыам ыйын 7 к.
- ³ Там же.
- ⁴ Лебедев В.Д. Предисловие // Николай Тарабукин. Моя жизнь. — Магадан, 1959. — С. 10.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Окорокова В. Ода оленю...
- ⁷ Кривошапкин А. Мой олененок. / Пер. В. Александрова. — М.: Детская литература. — 1992.
- ⁸ Приводится по книге Г. Гачева. Национальные образы мира... — С. 66.
- ⁹ См.: Якутские сказки: В 2 т. — Якутск: Кн. изд-во, 1967. — С. 41-43, 44-52.
- ¹⁰ Там же. Т. 1. — Якутск: Кн. изд-во, 1964. — С. 184-191.
- ¹¹ Отрывки приводятся из копии «Обращения». См. Филиал Национального архива РС(Я), ф. 3, оп. 3, д. 271, л. 39-40.
- ¹² Кривошапкин А. Истоки и современность эвенской литературы (в помощь учителям литературы и национальной культуры). — Якутск: НИИ национальных школ, Сахаполиграфиздат. — 1993.

Библиография*

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ИЗДАНИЯ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

На эвенском языке

Опо: Когугэрдү кунгалду тээлэнэл. — Якутскай: Ньюка төөрэнгэн книга изд-ван, 1969. — 24 с.: ил.

Афоня: Рассказы для детей дошколь. возраста.

Танньалкачан орьйакан, көөйэлкэчэн уйамкан: Дьугулитэн кочугэрдү кунгалду тээлэнэл. — Якутская: Ньюка төөрэнгэн книга изд-ван, 1975. — 32 с.: ил.

Про оленя и круторогого барана: Рассказы для детей мл. школ. возраста.

Бии гялбуу — оралчимгал. — Якутскай: Ньюка төөрэнгэн книга изд-ван, 1980. — 68 с.

Мои друзья — оленеводы: Рассказы для детей мл. школ. возраста.

Тилкын: Дөнтүр, поэма / Худ. Н. Курилов. — Якутскай: Ньюка төөрэнгэн книга изд-ван, 1983. — 64 с.

Половодье: Стихи, поэма.

Тосапчан. — Магадан: Книга изд-ван, 1986. — 18 с.: ил.

Тосапчан: Рассказы.

Балдаляку бугу: Дөнтүр. — Магадан: Книга изд-ван, 1987. — 15 с.

Родной край: Стихи.

Комсомол; Энин икэн; Май; Оралчимга икэн; Кусин хиняни ачча бидэн; Дөнтүр // Нэлкэрэп мучит. — Якутскай, 1963. — С. 33-36.

Оралчимга: Дөнтүр // Ленинец (Сангар). — 1989. — 15 апр.

Ингэнь төр икэлни: Дөнтүр. — Якутскай: Бичик, 1995.

На якутском языке

Удьуор булчуттар сиэннэрэ: [Орто саастаах оҕолорго кэпсээннэр] /С. Никифоров тылб. В.С. Корнилов ойуулара. — Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1977. — 48 с.: ил.

Внуки потомственных охотников: Рассказы для детей средн. возраста.

Оҕо сааһым табалара: Сэһэннэр/М. Дьячковскай, М. Алексеев, А. Егоров тылб. А. Евстафьев уруһуйа. — Дьокуускай: Кинигэ изд-та, 1985. — 248 с.

Олени моего детства.

Рец.: Калитин Н. Табалаах киһи туһунан сэһэн // Кьым. — 1985. — Олунньу 20 к.

Дьылбам кытыла: Маннайгы кинигэ: Роман /М.Д. Дьячковскай тылб. — Дьокуускай: Кинигэ изд-та, 1988. — 371 с.

*) Составлена на основе библиографических указателей, выпущенных в 1991 и 1995 гг. Национальной библиотекой РС(Я) и Институтом проблем малочисленных народов Севера СО РАН. — Автор.

Рец.: Белолобская В. Астына көрүстүм // Кыым. 1988. — Атырдык ыйын 12 к.

Көмүс таба: Роман /Ю.В. Спиридонов урууя. — Дьокуускай: Кинигэ изд-та, 1990. — 456 с.

«О, мин эвен куттаах ырыаларым»: В.Д. Лебедев туһунан документальной ахтыы сэһэн. — Дьокуускай: Сахаполиграфиздат, 1994. — 56 с.: ил.

Комсомол: Хоһоон /С. Константинов тылб. // Кыым. — 1963. — Ахсынны 8 к.

Табаһыт ырыата: Хоһоон /К. Туйаарыскай тылб. // Кыым. — 1963. — Сэтинны 26 к.

Табаһыт ырыата: Хоһоон /Г. Кардашевскай тылб. // Кыым. — 1964. — Олунньу 11 к.

Комсомол; Сэрии сибикитэ да суох буоллун; Табаһыт ырыата; Хабды; Хоһооннор /С. Константинов, Ст. Тимофеев тылб. // Кыраһа кыымнара. — Дьокуускай, 1965. — С. 45-48.

Ардахха: «Сангарар Москва»: Кэпсээннэр/ С. Никифоров тылб. // Хотугу сулус. — № 12. — С. 15-17.

Хуркаткит: Кэпсээн // Хотугу сулус. — 1973. — С. 53-56.

Булт туһунан кэпсээннэр; Охойоо ыта; Муоһа быһаабыта: Кэпсээннэр /С. Никифоров тылб. // Хотугу сулус. — 1974. — № 3. — С. 86-88.

Удьуор булчуттар сиэннэрэ: Кэпсээн // Хотугу сулус. — 1974. — № 12. — С. 51-58.

Эбэм кэпсээннэриттэн // Хотугу сулус. — 1976. — № 7. — С. 47-53.

Москва биһигиттэн чугас: Хоһоон /С. Никифоров тылб. // Кыым. — 1977. — Алтынны 23 к.

Оо, манна баар буоллар табакам; Күн тахсыта; Силис: Хоһооннор /С. Никифоров тылб. // Хотугу сулус. — 1977. — № 6. — С. 57-58.

Охойоо ыта: Кэпсээн /Ленинец (Сангар). — 1977. — Алтынны 23 к.

Сэрии сибикитэ да суох буоллун: Хоһоон /С. Тимофеев тылб. // Эдэр коммунист. — 1977. — Бэс ыйын 19 к.

Умнуллубат ааттаах киһи: Кэпсээн // Ленинец (Сангар). — Бэс ыйын 5 к.

Чубуку — айылҕа оҕото: Кэпсээн // Ленинец (Сангар). — 1977. — Ыам ыйын 1 к.

Киис: Кэпсээн // Ленинец (Сангар). — 1977. — Ахсынны 10 к.

Киис; Булгуйуу; Кэрэмэс; Кыыл таба; Чубукулар; Эргилли: Кэпсээннэр /В Макаров тылб. // Хотугу сулус. — 1978. — № 7. — С. 70-75.

Күчүмэбэй күннэргэ: Кэпсээн // Ленинец (Сангар). — 1978. — Балаһан ыйын 24 к.

Эргилли: Кэпсээн // Ленинец (Сангар). — 1978. — Алтынны 22 к.

Кэрэмэс: Кэпсээн // Ленинец (Сангар). — Алтынны 22 к.

Москва биһигиттэн чугас; Былыттар; «БАМ!» — дирилэр аны билигин: Хоһооннор // Хотугу сулус. — № 5. — С. 99-100.

Хуркаткит: Кэпсээн // Ленинец (Сангар). — Балаһан ыйын 16 к.

- Анымы: Кэпсээн /С. Никифоров тылб. // Эдэр коммунист. — 1980. — Кулун тутар 14 к.
- Дарпир уонна Даик: Кэпсээн /С. Никифоров тылб. // Бэлэм буол. — 1980. — Кулун тутар 16 к.
- Мин табаһыт доботторум: Сэһэнтэн быһа тардыы /С. Никифоров тылб. // Эдэр коммунист. — 1980. — Кулун тутар 14 к.
- Кырачаан табаһыт: Кэпсээн /Е. Сибиряков тылб. // Эдэр коммунист. — 1982. — Муус устар 18 к.
- Манан таба: Хоһоон /А. Егоров тылб. // Кыым. — 1982. — Алтынньы 26 к.
- Оһонньор үөрүүтэ: Кэпсээн // Хотугу сулус. — 1982. — № 6. — С. 60-66.
- Чубуку муоһа: Кэпсээн /А. Егоров тылб. // Бэлэм буол. — 1983. — Муус устар 10, 14, 17, 21 к.
- Обо сааһым табалара: Сэһэн /М. Дьячковской тылб. // Хотугу сулус. — 1984. — № 11. — С. 3-59; № 12. — С. 3-53.
- Саһылыкаан: Кэпсээн /А. Егоров тылб. // Бэлэм буол. — 1984. — Атырдьах ыйын 9 к.
- Хотугу кэпсээннэр /А. Егоров тылб. // Бэлэм буол. — 1984. — Алтынньы 18, 21 к.
- Ингэ: «Чиктикан уола» сэһэнтэн /П. Чуукаар тылб. // Бэлэм буол. — 1985. — Ахсынньы 29 к.
- Чиктикан ытыгыта: Кэпсээн /П. Прокопьев тылб. // Эдэр коммунист. — 1985. — Ахсынньы 4 к.
- Ийэбин ынҕрабын; Киһиттэн кэрэтин бул; Манан лабыкта; Күндүл күн: Хоһооннор /С. Дадаскинов тылб. // Кыым. — 1986. — Балаһан ыйын 7 к.
- Табаһыт: Хоһоон /В. Каменев тылб. // Кыым. — 1986. — Сэтинньи 12 к.
- Дьылҕам кытыла: Роман /М. Дьячковской тылб. // Хотугу сулус. — 1987. — № 7. — С. 5-46; № 8. — С. 5-45.
- Ыра санаам: Хоһоон // Эдэр коммунист. — 1987. — Сэтинньи 18 к.
- Көмүс таба: Роман /М. Дьячковской тылб. // Чолбон. — 1990. — № 2. — С. 6-65; № 3. — С. 3-61.
- Доборум. Дьугдьюур хайатын тэллэбэр. Ураһа. Таба дьылҕата. Саас. Харыстаатарбын (Кэргэммер Розаҕа). /В. Сивцев тылб. // Кыым. — 1992. — Бэс ыйын 30 к.
- Америкаҕа биир ый (Дневниккэ суруллубут сэһэн) // Чолбон. — 1994. — № 8. — С. 88-143.

На русском языке

- Поездка к оленям: Рассказы для детей мл. школ. возраста /Пер. Л.Б. Либединой. Худ. Н. Курилов. — Якутск: Кн. изд-во, 1981. — 16 с.: ил.
- Мой олененок: Рассказы /Пер. В. Александрова. Рис. В. Горячевой. — М.: Детская литература, 1982. — 47 с.: ил.
- Белая дорога: Повести /Пер. с эвен. В. Крушина. — М.: Современник, 1986. — 221 с.: ил. — (Новинки «Современника»). — Содерж.: Белая дорога; Уямканы идут на Север.

Сын Чиктикана: Рассказы /Пер. с эвен. В. Александрова. — М.: Детская литература, 1988. — 143 с.

Рец. Комиссарова Т. Доброта // Полярная звезда. — 1989. — № 5. — С. 106-107.

Истоки и современность эвенской литературы: В помощь учителям литературы и национальной культуры. — Якутск, 1993. — 20 с.

Кривошапкин А.В., Никитина Р.С. Культура народов Севера: Хрестоматия для учащихся 5-6 кл. / Худож. А.П. Соргоева. Ч. 4. — Якутск: Бичик, 1993. — 160 с.

Программа обучения и воспитания детей в духе предков для 1-4 кл. кочевой школы народов Севера / Институт нац. проблем обр. Министерства образования РФ; НИИ нац. школ РС(Я) / Сост. Р.С. Никитина, А.В. Кривошапкин. — М., 1993. — 46 с.

Земля предков: Стихи / Пер. В. Федоровой. — Якутск: Сахаполиграфиздат, 1995. — 112 с.

Ливень: Стихи / Пер. А. Лаврика // Соц. Якутия. — 1965. — 24 окт.

В дождь; «Говорит Москва!»: Рассказы // Соц. Якутия. — 1970. — 26 июня.

Собака Охоя: Рассказ // Верхоянский коммунист (Батагай). — 1975. — 21 сент.

Был бы рядом мой олень; Восход: Стихи / Пер. И. Новокрещенных // Полярная звезда. — 1976. — № 4. — С. 48.

«Дышит скоростью земля...»: Стихи / Пер. И. Новокрещенных // Лит. Россия — 1977. — 25 нояб. — С. 9.

Пусть не будет войны; Ливень; Медвежьи хлопоты: Стихи / Пер. А. Лаврика, Н. Слепаковой // Стихи поэтов Севера. — М., 1977. — С. 104-106.

Вожак: Отр. из повести // Соц. Якутия. — 1978. — 9 июля.

Маленький охотник: Чиктикан, отец Апоки: Рассказы / Пер. В. Александровой // Полярная звезда. — 1978. — № 1. — С. 106-116.

Олененок: Рассказ // Ленинец (Сангар). — 1978. — 29 июля.

Пусть не будет войны: Стихи // Ленинец (Сангар). — 1978. — 7 янв.

Спешу к маме; Ливень: Стихи // Ленинец (Сангар). — 1978. — 24 янв.

Спешу к матери: Стихи / Пер. А. Лаврика // Песни тайги: Стихи поэтов Якутии. — М., 1979. — С. 66.

Медвежьи хлопоты: Стихи / Пер. Н. Слепаковой // Красноярский комсомолец. — 1980. — 13 сент.

Олененок Тоосапачан: Маленькая повесть / Пер. А. Александрова. // Полярная звезда. — 1980. — № 1. — С. 127-131.

Полет: Стихи / Пер. А. Пчелкина // Соц. Якутия. — 1980. — 31 мая.

Солнце: Отр. из повести // Верхоянский коммунист (Батагай). — 1980. — 22 марта.

Спешу!: Стихи / Пер. Т. Курочкиной // Соц. Якутия. — 1980. — 23 марта.

Белый олень: Рассказ / Пер. А. Подмогильного // Молодая гвардия. — 1981. — № 6. — С. 28-35.

- Олени деда Семена: Рассказ // Костер. — 1981. — № 8. — С. 24-25.
- Рога снежного барана: Рассказ /Пер. В. Александрова // Полярная звезда. — 1981. — № 6. — С. 108-116.
- Волочаевка: Стихи /Пер. Н. Черницкого // Соц. Якутия. — 1982. — 12 февр.
- Доброта — твое богатство: Рассказ для детей /Пер. В. Александрова // Неделя. — 1982. — № 39. — С. 20.
- Мои горы; Горы и солнце; Волочаевка; Земля Джугджура; Заря: Стихи /Пер. Н. Черницкого, Г. Новоселовой // Полярная звезда. — 1982. — № 4. — С. 38-40.
- Первый раз я поднимался в небо; Предание; Оленевод; Гуси летят; Северная гостиница; Скала Тонмэй; Спешу к маме; Луна и солнце; Поездка к оленям: Стихи и рассказы /Пер. А. Руденко, В. Лебединского // Близок Крайний Север: Сборник произведений молодых писателей народностей Севера и Дальнего Востока. — М., 1982. — С. 231-250.
- Апока: Рассказ /Пер. В. Александрова // Колобок. — 1983. — № 3. — С. 6.
- Медвежьи хлопоты: Стихи для детей /Пер. Н. Слепаковой // Дошкол. воспитание. — 1983. — № 11. — С. 44.
- На Волочаевке; Мои горы: Стихи / Пер. Н. Черницкого // Нева. — 1983. — № 3. — С. 83-84.
- Был бы рядом мой олень: Стихи // Колымская правда (Черский). — 1984. — 21 апр.
- Здравствуй, мама!: Стихи /Пер. В. Федорова // Полярная звезда. — 1984. — № 4. — С. 41-42.
- По оленьей тропе: Рассказ /Пер. В. Александрова // Полярная звезда. — 1984. — № 5. — С. 46-51.
- Пусть не будет войны: Стихи /Пер. А. Лаврика // Сибирские строки: Русские и советские поэты о Сибири. — М., 1984. — 388 с.
- Рога уямкана: Рассказ /Пер. В. Александрова // На семи ветрах: Рассказы, стихи, сказки писателей народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. — М., 1984. — С. 142-153.
- Белый олень: Рассказ /Пер. А. Подмогильного // Голубые горы: Рассказы писателей Севера. — Л., 1985. — С. 380-387.
- Здравствуй, мама!: Стихи /Пер. В. Федорова // Ленинец (Сангар). — 1985. — 7 марта.
- Про Апоку и его друзей: Рассказы /Пер. В. Александрова // Полярная звезда. — 1985. — № 3. — С. 121-127.
- Рога уямкана: Рассказ /Пер. В. Александрова // Голубые горы: Рассказы писателей Севера. — Л., 1985. — С. 368-379.
- «Есть в роду моем предание...»: Стихи /Пер. с эвен. // Соц. Якутия. — 1986. — 12 нояб.
- Любимой: Стихи // Маяк Арктики (Тикси). — 1986. — 23 авг.
- Уямканы идут на Север: Повесть /Пер. В. Крупина // Под радугой Севера: Произведения писателей Севера и Дальнего Востока. — М., 1986. — С. 438-484.

Уямканы идут на Север: Повесть /Пер. с эвен. В. Крупина // Полярная звезда. — 1986. — № 6. — С. 14-36.

Золотые олени и материнский наказ; Скалы, льдины, олени; Испытание; Полюбившие Север; Скала Тонмэй; Спешу к маме! Предание; Первый раз я поднимался в небо; Северная гостиница; Оленевод; Луна и солнце: Стихи /Пер. А. Руденко // Сполохи: Сборник стихотворений и поэм поэтов народностей Севера и Дальнего Востока. — М., 1987. — С. 256-270.

Русские дрова: Рассказ /Пер. В. Александрова // Мой русский брат. — Якутск, 1987. — С. 89-92.

Олень и женщина; Лишь шелест деревьев могучих: Стихи /Пер. Вл. Федорова // Полярная звезда. — 1989. — № 6. — С. 56.

По оленьей тропе: Рассказ /Пер. В. Александрова // Сибирский рассказ. — Новосибирск, 1989. — Вып. 5. — С. 167-184.

Расправа. — М., 1996. — 160 с. Рец.: Наумский Д. Расправа // Сахаада. — 1996. — 18 июля.

На языках народов СССР и зарубежных стран

Олененок Тоосапачан: Рассказ /Көрпө (Ашхабад). — 1982. — № 7. — С. 10-11. — Туркм.

Апока: Рассказ // Вяселка (Минск). — 1984. — № 4. — С. 9-10. — Белорус.

Сын Чиктикана: Рассказы /Пер. О. Пивоварова — Киев: Вяселка, 1990. — 111 с.: ил. — Укр.

* * *

Самый лучший оленевод: Рассказ /Шаг через тысячелетия. — М.: Прогресс, 1986. — С. 202. — Англ.

Мой маленький олень: Повесть /Пер. с рус. К. Войтек. Иллюстрация Д. Кризе. — Берлин: Детская литература, 1986. — 91 с.: ил. — Нем.

Мой маленький олень: Повесть /Пер. с рус. К. Войтек. Иллюстрация Д. Кризе. — Берлин: Детская литература, 1990. — 91 с.: ил. — Нем.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ, ПЕРЕВОДЫ, РЕДАКТИРОВАНИЕ, СОСТАВЛЕНИЕ

Поэт дюгюлюн төөрэн: [Поэт В.Д. Лебедев дюгюлин] // Лебедев В. Икээ энин. — Якутскай, 1984. — С. 3-4.

Россия фестивалан — Нека төрэнү // Ленинец (Сангар). — 1989. — 18 июля.

* * *

Сүрэхтэн сүппэт сэтгэ күн: [Бүтүн Союзтаабы эдэр суруйааччылар VII сүбэ муньахтарыгар эппит тыла] // Ленинец (Сангар). — 1979. — Муус устар 8 к.

Биһиги сана доботторбут: (Хотугу норуоттар суруйааччылар — Красноярской кыраайга) // Кыым. — 1980. — Алтынньы 10 к.

Дьонун талааннаах ырыаһыта: (П. Ламутский 60 сааһыгар) // Кыым. — 1980. — Сэтинньи 21 к.

Куруутун үтүөбэ, дьолго тардыһын: (П. Ламутский 60 сааһыгар) // Хотугу сулус. — 1980. — № 11. — С. 111-114.

Маннайгы ырыаһыт дьоло: (Н.С. Тарабукин төрөөбүтэ 70 сылыгар) // Хотугу сулус. — 1980. — № 12. — С. 88-91.

Саамай чаһылхай, саамай үрдүк күн: (Советский былаас кэмигэр хотугу литература сайдыыта) // Кыым. — 1982. — Ыам ыйын 10 к.

Кэхтибэт дьол: (Хотугу норуоттар олохторо-дьаһахтара Советский былаас сылларыгар) // Кыым. — 1983. — Сэтинньи 6 к.

Совхоз директора: («Искра» совхоз директора Н.И. Слепцов. Муома) // Кыым. — 1983. — Ахсынньы 14 к.

Ааҕааччылары долгутар образтары айыахха: (РСФСР суруйааччыларын VI съезигэр) // Кыым. — 1985. — Ахсынньы 11 к.

Доҕордоһуу бырааһынньыга: (Иркутский уобаласка саха литературатын уонна искусствотун күннэрэ) // Кыым. — 1988. — Ыам ыйын 29 к.

Саха сирин суруйааччыларын XI съезигэр этии // Хотугу сулус. — 1988. — № 12. — С. 33-34.

Төрөөбүт тылы, фольклору сайыннарыахха // Хотугу сулус. — 1988. — № 4. — С. 77-78.

Дьол-соргу тосхойдун: Публицистика // Кыым. — 1989. — Тохсунньу 1 к.

Депутат А.В. Кривошапкин этиитэ: (РСФСР народной депутаттарын I съезигэр) // Кыым. — 1990. — Бэс ыйын 8 к.

Симэлийнэппит суоҕа: («Эдэр коммунист» хаһыакка интервью. Кэпсэттэ В. Попова // Эдэр коммунист. — 1990. — Балаҕан ыйын 5 к.

148 №-уокуруктан РСФСР народной депутата А.В. Кривошапкин РСФСР гошпаныгар таб. А.А. Хомяковка депутат ыйытыга // Бытантай уоттара. — 1990. — От ыйын 28 к.

Сибээс икки өттүттэнэ ордук // Бытантай уоттара. — 1990. — Балаҕан ыйын 5 к.

Мин тирэбим эһиги — күндү быыбардааччылар // Бытантай уоттара. — 1991. — Атырдьах ый 7 к.

Председатели талыы хайдах барбытай? // Бытантай уоттара. — 1991. — Атырдьах ый 7 к.

Россия «Үрүн дьийэтин» түрбүөннээх күннэрэ-түүннэрэ // Бытантай уоттара. — 1991. — Балаҕан ый 11 к.

Депутатский ыйытыыга хардалар // Бытантай уоттара. — 1992. — Тохсунньу 15 к.

Саныыр санааларым // Бытантай уоттара. — 1992. — Кулун тутар 4 к.

Оттубут кутаабыт умуллуо суохтаах // Бытантай уоттара. — 1992. — Муус устар 1 к.: Эмиэ ити: Кыым. — 1992. — Кулун тутар 26 к.

Күүттэриилээх съезд // Быгантай уоттара. — 1992. — Бэс ыйын 24, 27 от ыйын 1, 8 күнэрэ.

Каникул иннинэ // Быгантай уоттара. — 1992. — Атырдыах ый 15, 19 күнэрэ.

Сынньалан кэнниттэн бастакы нэдиэлэ // Быгантай уоттара. — 1992. — Алтынны 24 к.

Маннайгы ырыаһыт дьоло: (Н.С. Тарабукин төрөөбүтэ 100 сылын туолуутугар) // Чолбон. — 1992. — № 2. — С. 122-127.

Россияҕа бүк эрэнэн (Депутат суруктара) // Чолбон. — 1992. — № 4. — С. 94-145; № 5. — С. 109-160.

Модьуйсуулар уонна эйэлэһиилэр съезтэрэ // Быгантай уоттара. — 1993. — Тохсунньу 6, 13, 16 к.

Эбээн норуотун улуу уола (Р.И. Шадрин төрөөбүтэ 100 сыла туолуутугар) // Саха сирэ. — 1993. — Олунньу 11 к.

Норуотун биир чабылхай кийитэ этэ (Р.И. Шадрин төрөөбүтэ 100 сылын туолуутугар) // Быгантай уоттара. — 1993. — Олунньу 20, 24, 27 к. («Советы Якутии» хаһыаттан В. Николаев тылбааһа).

Референдум, атын да туһунан // Быгантай уоттара. — 1993. — Кулун тутар 13 к.

Иирсээн иэдээннэ эрэ тиэрдэр // Быгантай уоттара. — 1993. — Муус устар 17 к.

Референдум кэнниттэн // Быгантай уоттара. — 1993. — Ыам ыйын 29 к.

Россия сана конституциятын ылынаары олонорон // Саха сирэ. — 1993. — От ыйын 3 к.

Р.И. Шадринны кэриэстиибит // Быгантай уоттара. — 1993. — Бэс ыйын 19, 23, 30, от ыйын 10 к.

Хотугу сир олохтоохторун интэриэстэрин көмүскүүр сокуон // Быгантай уоттара. — 1993. — Атырдыах ый 25 к.

Кризистэн тахсар кыах баар дуо? (Российской Федерация народнай депутатын суруктарыттан) // Быгантай уоттара. — 1993. — Балаһан ый 11, 14 к.

Итэбэли толордорбун // Быгантай уоттара. — 1994. — Тохсунньу 22 к.

А. Кривошапкин интервьюта // Сахаада. — 1994. — Тохсунньу 29 к.

Ил Түмэн палаталарын холбоһуктаах мунньахтарыгар этии // Быгантай уоттара. — 1994. — Олунньу 9 к.

Эһиги миһигин сүтэриэххит суоҕа // Быгантай уоттара. — 1994. — Олунньу 26 к.

Ил Түмэн депутатын дневнигиттэн. Ыарахан дьыл буолуо диһиллэр // Быгантай уоттара. — 1994. — Кулун тутар 12 к.

Дьонум туһугар // Быгантай уоттара. — 1994. — Кулун тутар 16 к.

Хоту дойдум дьылҕата // Өлүөнэ сарсыардата. — 1994. — Кулун тутар 24 к.

«Саха сиригэр авиация туруга» диэн боптуруоһу дьүүллэһиигэ үһүс сессияҕа этиитэ // Быгантай уоттара. — 1994. — От ыйын 9 к.

Уйулҕа хамсааһынны утары // Сахаада. — 1995. — Кулун тутар 30 к.

* * *

Рожденные Великим Октябрем: (Заметки о литературе народностей Севера) // Соц. Якутия. — 1967. — 1 окт.

«Люблю писать для детей»: (Интервью во время проведения Дней лит. и искусства народностей Севера в г. Якутске) // Молодежь Якутии. — 1980. — 22 марта.

Счастье певца: (К 70-летию со дня рождения Н.С. Тарабукина) // Соц. Якутия. — 1980. — 16 нояб.

Ялтинские встречи: (Заметки о II семинаре молодых литераторов) // Ленинец (Сангар). — 1980. — 31 мая.

Воспеть современника: (О расширенном заседании совета по литературам народов Крайнего Севера и Дальнего Востока) // Соц. Якутия. — 1981. — 26 мая.

Живет в Себян-Кюеле механик: (О механике совхоза «Кировский» Ю.И. Манакове. Кобяйский район) // Соц. Якутия. — 1981. — 5 мая.

По зову сердца: (О бригадире оленеводческой бригады № 1 совхоза «Кировский» Е.С. Попове) // Соц. Якутия. — 1981. — 3 янв.

К новым горизонтам (О III Всероссийском семинаре молодых литераторов Крайнего Севера и Дальнего Востока) // Соц. Якутия. — 1983. — 30 апр.

Харлампьева Н., Кривошапкин А., Старостин А. Слово об учителе: (К 90-летию со дня рождения П.А. Ойунского) // Соц. Якутия. — 1983. — 11 нояб.

Дружба на века: (Дни МНР в Якутской АССР) // Полит. агитация. — 1986. — № 15. — С. 2-4.

Боль и тревоги Севера — в сердце моем: (Вопросы соц.-экон. развития малых народов Севера) // Полярная звезда. — 1989. — № 2. — С. 64-71.

Люди, живущие по ту сторону перевала: (Интервью с А.В. Кривошапкиным /Беседу вела Е. Достовалова) // Молодежь Якутии. — 1989. — 8 июня.

Район сегодня, а завтра? (Обсуждение проекта платформы КПСС по национальному вопросу) // Соц. Якутия. — 1989. — 30 авг.

Предвыборная платформа кандидата в народные депутаты Якутской АССР по Ламынхинскому избирательному округу № 40 А.В. Кривошапкина // Ленинец (Сангар). — 1990. — 30 янв.

Родом из детства: (Интервью с кандидатом в народные депутаты /Вел. беседу Е. Неймохов // Диалог. — 1990. — № 3-4. — С. 3-7.

С надеждой о России: (Выступление на I съезде народных депутатов РСФСР) // Диалог. — 1990. — № 13-14. — С. 32-35; Сов. Россия. — 1990. — 24 мая.

Выступление народного депутата РСФСР т. Кривошапкина А.В. на внеочередном съезде народных депутатов РСФСР (Северо-Восточный национально-территориальный избирательный округ) // Соц. Якутия. — 1990. — 5 дек.

Возвращение на родные кочевья // Якутия. — 1991. — 2 окт.

Это был новый съезд // Бытантай уоттара. — 1991. — Ахсынньы 14, 18 к.

- Самоуправление малочисленных народов Севера и вопросы развития языка и культуры // Языки, культура и будущее народов Арктики: Тез. докл. Междунар. конф. Ч. 2. — Якутск, 1993. — С. 4-5.
- Репрессирован и реабилитирован посмертно // (К 100-летию Р.И. Шадрина) // Советы Якутии. — 1993. — 21 янв.
- Как Президент поссорился со съездом // Бытантай уоттара. — 1993. — Кулун тутар 31 к.
- Предвыборная платформа кандидата в депутаты Верхней палаты Законодательного Собрания (Ил Тмэн) Республики Саха (Якутия) по Эвено-Бытантайскому избирательному округу № 34 // Бытантай уоттара. — 1993. — Ахсынньы 4 к.
- Нищета за фестивальной чередой (Интервью с А.В. Кривошапкиным о годе коренных народов) / Вела беседу Е. Афанасьева. «Федерация» // Полярный круг. — 1993. — № 4. — С. 13.
- Выступление на III сессии Государственного Собрания Республики Саха (Якутия) // Бытантай уоттара. — 1994. — От ыйын 13 к.
- Выступление на Ассамблее народов Республики Саха // Бытантай уоттара. — 1994. — Алтынньы 7 к.
- Белый олень Василия Лебедева. Поэт о поэте // Республика Саха. — 1994. — 29 дек.
- Месяц в Америке // Полярная звезда. — 1994. — С. 105-143.
- Письма из-за колючей проволоки // Коммунист. — 1994. — № 10, 11; 1995, № 1, 2, 4, 5, 6, 7.
- С чем придут народы Севера в XXI век? // Литературная Россия. — 1995. — 16 июня.
- Прорыв сквозь глухую стену разобщения // Бытантай уоттара. — 1995. — Алтынньы 24 к.
- Выступление Андрея Кривошапкина — президента Союза Ассоциаций коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) Российской Федерации на 13-й сессии рабочей группы ООН в Женеве. 25 июля 1995 года // Бытантай уоттара. — 1995. — Алтынньы 20 к.
- Люди чести, долга и совести // Коммунист. — 1995. — № 9, 10.
- Энциклопедия эвенской жизни: (К 70-летию П.А. Ламутского) // Полярный круг. — 1995. — № 11. — С. 3.
- Мы достойны лучшей участи: (5-летие АН РС(Я)) // Полярный круг. — 1995. — № 7-8. — С. 2-3.
- О, песни мои, вы с эвенской душой // Полярная звезда. — 1995. — № 1. — С. 51-72.
- Обретение вечности (воспоминания о Платоне Ламутском) // Полярная звезда. — 1996. — № 1. — С. 51-72.
- Память истории // Голос Арктики. Бюллетень информации. Выходит на русском и английском языках. — 1996. — № 3. — Март.
- Народы Севера нуждаются в правовой защите // Голос Арктики. — 1996. — № 5. — Май.
- Кочевые родовые общины — защита малочисленных народов Севера от исчезновения с исторической арены // Голос Арктики. — 1996. — № 6. — Июнь.

Коренные народы Севера: есть ли выход из тупика? // Голос Арктики. — 1996. — № 9. — Сентябрь.

Коренные народы Севера: есть ли выход из тупика? — Якутск: «Северовед». — 1997.

Международное десятилетие коренных народов: Российские реалии // Голос Арктики. — 1996. — № 11. — Ноябрь.

Кто поможет алеутам командорских островов // Голос Арктики. — 1996. — № 12. — Декабрь. Интервью у Президента Ассоциации командорских алеутов Владимира Добрынина взял Андрей Кривошапкин.

Пушкин А. Дьоончивун: Дөнтүр /А. Кривошапкин туматчанан // Эдэр коммунист. — 1989. — Бэс ыйын 23 к.

Пушкин А. Мээндикинди, мэн памятниккай илурам... Дөнтүр /А. Кривошапкин туматчанан // Полярная звезда. — 1974. — № 3. — С. 94.

Дмитрий Пухов и его время (страницы биографии). — М.: Паляя — 1996. — 95 с.

The indigenous peoples in the North: is there a way out? — Yakutsk: The Northern Minorities Problems Institute. The Association of the Northern. — 1997.

Живи, мой Север. Статьи. Выступления. Интервью. Эссе. — Якутск: «Бичик». — 1997. — 128 с.

* * *

Лебедев В. Икээ энин: Дьоонтур, поэмал /Ю.В. Спиридонов оньааданан. А.В. Кривошапкин ред. — Якутской: Книга издательстван, 1984. — 192 с.

Лебедев В. Сила песни: Стихи.

Кривошапкин А.В., Кейметинова А.А. Эвенский язык: Учеб. и кн. для чтения для 3-го кл. эвен. шк. 2-е изд., перераб. — Л.: Просвещение, 1987. — 223 с.: ил.

Поэт и первый эвенский ученый Василий Дмитриевич Лебедев: Библиографический указатель /Сост. Н.Е. Кудрина, М.Е. Яковлева; Ред. А.В. Кривошапкин. — Якутск: РИО Госкомиздата ЯАССР, 1989. — 36 с.

Кривошапкин А. Солнышко: Кн. для доп. чтения в 1-2 кл. эвен. шк. /Худож. А.М. Гусарова. — Л.: Просвещение, 1989. — 192 с.: ил. (Шк. б-ка).

Уямкан көөн. — Л.: Просвещение, 1990. — 127 с. (Шк. б-ка).

Рога уямкана: Книга для доп. чтения учащихся нач. шк.

Кривошапкин А.В., Кейметинова А.А. Эвенский язык: Учебник и кн. для чтения для 4-го класса. 3-е изд. — Л.: Просвещение, 1991. — 207 с.: ил.

* * *

Никифоров С. Саллаат дьыттата: Сэһэннэр, кэпсээннэр /Хомуйан онгордулар И.И. Егоров, А.В. Кривошапкин. Н.Н. Попов уруһуйа. — Якутской: Кинигэ изд-та, 1983. — 408 с.: ил.

Хроника трудовой деятельности

Родился 17 октября 1940 года, около п. Себян-Кюель Саккырырского района.

Мать – Кривошапкина Ульяна Егоровна. Умерла в 1980 году.

Отец – Кривошапкин Василий. Умер в 1953 году.

Из братьев и сестер Варвара умерла едва достигнув одного года, Афанасий в возрасте 6 лет.

Сейчас живут и работают:

Дмитрий Васильевич – старший брат, пенсионер. В 1995 году принят в члены Союза писателей Республики Саха (Якутия), как автор двух поэтических сборников на эвенском языке, переводчик произведений С. Данилова, П. Ойунского, К. Урастырова и других. Живет в Себян-Кюеле.

Евдокия Васильевна – старшая сестра, пенсионерка. Живет в Сеген-Кюеле.

Петр Васильевич – младший брат, председатель народного суда Кобяйского улуса. Живет в п. Сангар.

1960–1961 гг. – учитель начальных классов Себян-Кюельской семилетней школы Саккырырского района* (ныне Кобяйский улус).

1961–1962 гг. – освобожденный секретарь комсомольской организации совхоза “Кировский” того же района.

1962–1963 гг. – студент Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена.

1963–1966 гг. – служба в рядах Советской Армии на Кольском полуострове.

1966–1970 гг. – студент ЛГИ им. А.И. Герцена.

1970–1977 гг. – директор Себян-Кюельской средней школы Кобяйского района. Одновременно с 1975 по 1977 г. работает младшим научным сотрудником Якутского филиала НИИ национальных школ РСФСР.

1977–1979 гг. – секретарь парткома совхоза “Кировский” Кобяйского района.

1979–1980 гг. – управляющий отделением совхоза “Кировский”.

1980–1981 гг. – инструктор Совета Министров Якутской АССР.

---

*) Названия районов, сел дается по установленному в те времена административному делению республики, Союза. – Автор.

1981–1988 гг. – инструктор отдела пропаганды и агитации Якутского обкома КПСС. В 1982 г. принят в члены Союза писателей СССР.

1988–1990 гг. – заместитель заведующего идеологическим отделом Якутского обкома КПСС. В марте 1990 г. избирается народным депутатом Верховного Совета Республики Саха (Якутия) и Российской Федерации.

1990–1993 гг. – член Верховного Совета РСФСР. После расстрела Белого Дома в октябре 1993 г. год нигде не работает. В декабре 1993 г. был избран депутатом Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия).

С 1994 г. по настоящее время – постоянный представитель Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) в Федеральном Собрании РФ. С 1995 г. стал членом Союза журналистов Российской Федерации.

Участие в съездах, пленумах, совещаниях, награждения

Май 1968 г. – участник VI Всесоюзной студенческой научной этнографической конференции... г. Ташкент.

Декабрь 1977 г. -- участник I Всероссийского семинара-совещания молодых писателей Крайнего Севера и Дальнего Востока в Малеевке.

Май 1979 г. – участник VII Всесоюзного совещания молодых писателей

Апрель 1980 г. – участник II Всероссийского семинара-совещания молодых писателей Крайнего Севера и Дальнего Востока в г. Ялте.

20–25 марта 1980 г. – участник Дней литературы народностей Крайнего Севера Якутии.

12–19 сентября 1980 г. – участник Дней советской литературы, посвященных 50-летию образования Хакасской и Таймырской автономных областей.

2–10 мая 1982 г. – участник Дней литературы и искусства Якутской АССР в г. Москве и г. Ульяновске.

11–20 апреля 1983 г. – участник III Всероссийского семинара писателей народностей Крайнего Севера в г. Магадане.

30 октября – 1 ноября 1984 г. – участник XI республиканского совещания молодых писателей.

26 января 1985 г. – присуждение литературной премии им. Эрилика Эристина.

13 августа 1985 г. – избран делегатом VI съезда писателей РСФСР на общем собрании писателей Якутии.

2–6 ноября 1987 г. – участник Дней сибирской литературы в Казахской ССР.

17–18 ноября 1987 г. – участник XII республиканского совещания молодых писателей.

9–16 мая 1988 г. – участник Дней литературы и искусства Якутии в Иркутской области.

30 марта–2 апреля 1989 г. – участник праздника народов Севера Якутии в с. Хону Момского района ЯАССР.

1–10 июля 1989 г. – участник Дней якутской литературы и искусства в Амурской области.

13 декабря 1989 г. – избран президентом Ассоциации народностей Севера Якутии на I Учредительном съезде народностей Севера Якутии.

4 марта 1990 г. – избран депутатом Верховного Совета ЯАССР.

17 марта 1990 г. – избран депутатом Верховного Совета РСФСР.

8–12 апреля 1990 г. – участник "Праздника народов Севера" в п. Черском Нижнеколымского района ЯАССР.

Декабрь, 1993 г. – избран депутатом Верхней палаты Законодательного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия).

Литература о нем

Писатели-участники Дней литературы и искусства Якутской АССР /Сост. Н.Е. Винокуров; Ред. В.Н. Протодияконов, Л.Д. Петрова. – Якутск, 1982. – 32 с. (Союз писателей Якутии, Якут. респ. орг. добр. о-ва любителей-книголюбов).

* * *

Босиков Н. Довордохуу түһүлгэтэ: (Хотугу норуоттар суруйааччылара. – Саха сиригэр) // Эдэр коммунист. – 1972. – Алтынны 25 к.

Хотугу омуктар суруйааччыларын сүбэ мунньахтара // Бэлэм буол. – 1972. – Алтынны 29 к.

Попов Л. Үрдэлтэн үрдэлгэ: (Хотугу норуоттар суруйааччыларын 6-с сүбэ мунньахтарыттан) // Хотугу сулус. – 1974. – № 7. – С. 108-110.

Калитин Н. Табалаах киһи туһунан сэхэн: (А. Кривошапкин «Оҕо сааһым табалара» диэн сэхэнин кинигэтэ тахсытыгар) // Кыым. – 1985. – Олунньу 20 к.

Белолобская В. Астына көрүстүм: (А. Кривошапкин «Дьылзам кытыла» диэн романа) // Кыым. – 1988. – Атырдьах ыйын 12 к.

Курилов Г.Н. Саха сирин хотугу народностарын литературалара // Хотугу сулус. – 1988. – № 12. – С. 26-29.

Борисов И. Украинаалы тылыннан: («Чиктикан уола» кинигэ Киевка тахсытыгар) // Кыым. – 1990. – Балаһан ыйын 6 к.

Күүтэр, эрэнэр кийибит: (А.В. Кривошапкин депутакка кандидат) /Е. Колесов, Г. Федоров, А. Колесов, М. Ефимов, Н. Габьшев, С. Руфов, С. Дадаскинов // Кыым. – 1990. – Олунньу 18 к.

Михалков С. Депутатскай иэс: (А.В. Кривошапкин депутакка кандидат) // Кыым. – 1990. – Олунньу 18 к.

Сибиряков Е. Норуотун сүрэхэр чугас // Кыым. – 1990. – Алтынны 17 к.

Сивцев В. Сырдык санаа, үтүө сүрэх: (А.В. Кривошапкин депутакка кандидат) // Кыым. – 1990. – Олунньу 18 к.

Сибиряков Е.Е. Байанайдаах булчут кэриэтэ: (А. Кривошапкин төрөөбүтэ 50 сааһыгар) // Чолбон. – 1990. – № 10. – С. 95-98.

Кривошапкин А.В. // Бытантай уоттара. – 1990. – Кулун тутар 17 к.

Биһиги депутаппыт А.В. Кривошапкин // Бытантай уоттара. – 1990. – Кулун тутар 21 к.

Народнай депутат үлэлнир. Истин уонна деловой көрсүһүүлэр // Бытантай уоттара. – 1991. – Олунньу 16 к.

Никитин П. Олонхо эбээнни тылбаастанна // Бытантай уоттара. – 1992. – Ыам ыйын 27 к.

Курчатова Ф. Толкуйданыаһын // Бытантай уоттара. – 1993. – Ахсынны 8 к.

Баланов И. Дьулуурдаах үлэһит, талааннах суруйааччы, эрэллээх добор // Бытантай уоттара. – 1993. – Ахсынны 22 к.

* * *

Тимшин А. Северная радуга: (Заметки с совещ. литераторов Севера) // Соц. Якутия. – 1972. – 27 окт.

Федосеев И. Форум писателей Севера // Молодежь Якутии. – 1972. – 17 окт.

Антипин В. Притягательность простоты // Ленинец (Сангар). – 1978. – 29 июля.

Мартинович А. Глубина таежных родников // Полярная звезда. – 1978. – № 5. – С. 100–113.

Санги В. Активизировать творческий поиск // Дальний Восток. – 1985. – № 4. – С. 151–152.

Санги В. Писатель из тайги // Кривошапкин А. Сын Чиктикана. – М.: Детская литература, 1988. – С. 3–5.

Комиссарова Т. Доброта: (О книге "Сын Чиктикана") // Полярная звезда. – 1989. – № 5. – С. 106–107.

Аркук В. Помня предков заветы... // Соц. Якутия. – 1990. – 17 окт.

Быдзан Ю. Свет его подлинной интеллигентности // Ленинец (Сангар). – 1990. – 30 янв.

Борисов И. "Сын Чиктикана" на украинском: (К выходу книги в г. Киеве) // Соц. Якутия. – 1990. – 5 сент.

Дадаскинов С. Сын оленевода: (Канд. в нар. депутаты РСФСР А.В. Кривошапкин) // Сев. заря (Усть-Нера). – 1990. – 17 февр.

Шамшурина Т. Загадка Андрея Кривошапкина // Молодежь Якутии. – 1990. – 15 февр.

Окорокова В. А.В. Кривошапкин – писатель из тайги и тундры // Писатель и общественный деятель Андрей Васильевич Кривошапкин. – Якутск: Национальная библиотека Якутской-Саха ССР. – 1991. – С. 3–11.

Писатель и общественный деятель Андрей Васильевич Кривошапкин (Библиографический указатель). – Якутск: Национальная библиотека Якутской-Саха ССР. – 1991. – 22 с.

Михайлов А. XXI век: сохранится ли литература арктических народов? // Полярный круг. – 1993. – № 5–6. – С. 18.

Мыреева А.Н. Человек и природа в эвенском романе 80-х годов // Полярная звезда. – 1994. – № 4. – С. 148–150.

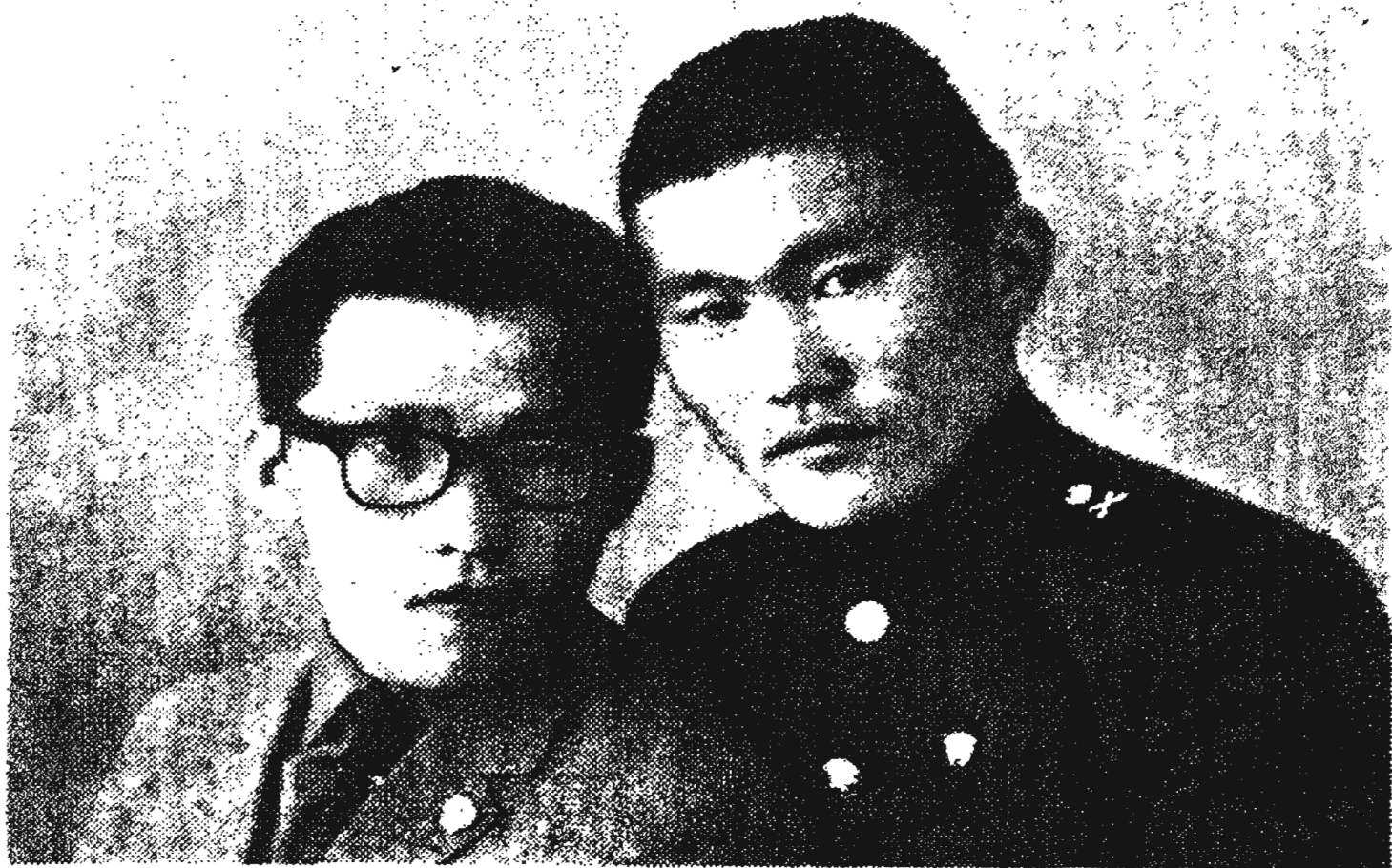
Слепцов М. Андрей Кривошапкинын хаамсан иһэн... // Сахаада. – 1994. – Алтынны 16 к.

Андрей Васильевич Кривошапкин. Писатель, государственный общественный деятель. – Якутск: ИПМНС. Кафедра Северной филологии ЯГУ, Национальная библиотека РС(Я); Изд-во "Северовед". – 1995.

Назаров Н. Письмо к Кривошапкину // Коммунист. – 1995. – № 3.

Окорокова В. Ода оленю // Республика Саха. – 1995. – 23 дек.

С младшим братом Петром

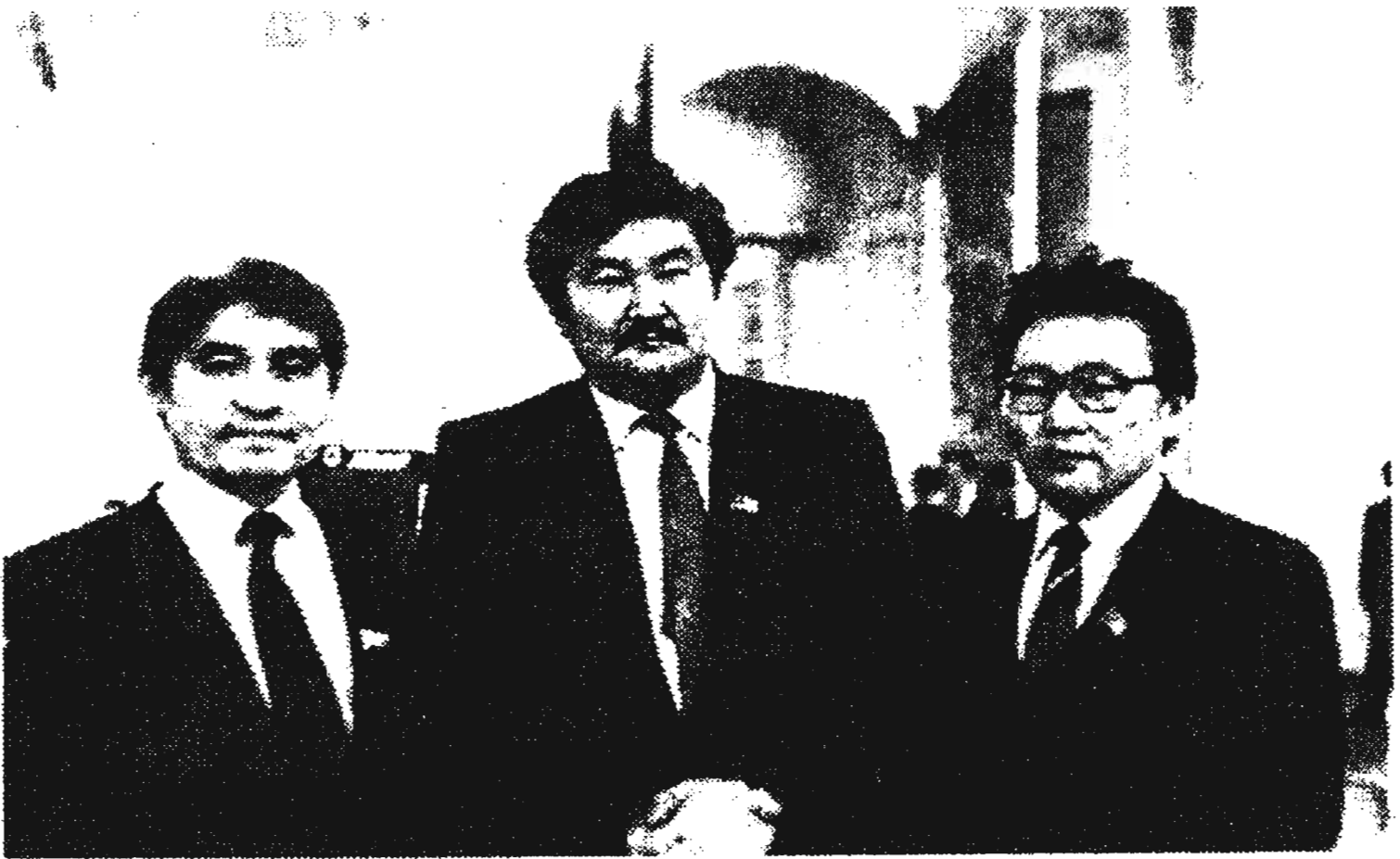

Старший брат Дмитрий Васильевич, член Союза писателей Якутии, поэт, переводчик "Нюргун Боотур Стремительный" П.Ойунского

Мгновения жизни...

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Вместо предисловия	3
I глава. Обычная советская жизнь	4
II глава. Поиски тропы выживания (Проблематика творчества)	20
III глава. Эвенское видение мира	35
Дорогой Правды (Вместо заключения)	51
Использованная литература и примечание	52
Библиография	54
Хроника трудовой деятельности А.В. Кривошапкина	65
Литература о нем	68

Н.Н. Тобуроков

АНДРЕЙ КРИВОШАПКИН

(Очерк жизни и творчества)

Подписано к печати 11.10.99. Формат 64×80¹/₁₆
Печать трафаретная. Гарнитура Таймс.
Усл.п.л. 4,25. Уч.-изд.л. 3,7. Тираж 300 экз. Заказ 87

Издательство "Северовед"
677008, Якутск, Сосновая, 4